

ЛОВЕЦ ОГНЕЙ НА ЗВЕЗДНОМ ПОЛЕ

ЧАРЛЬЗ
МАРТИН

Чарльз Мартин

Ловец огней на звездном поле

ООО "Эвербук"

2017

Мартин Ч.

Ловец огней на звездном поле / Ч. Мартин — ООО "Эвербук",
2017

ISBN 978-5-00-580199-9

Пронзительная история о поиске себя, отцах, сыновьях и бейсболе. Один летний день перевернул сразу несколько жизней, когда под колеса поезда попала машина с молодой женщиной за рулем. А рядом, на железнодорожных путях, спасатели нашли мальчика — тот и звука не мог издать от страха. Это история двух сирот: одному из них, Чейзу Уокеру, повезло больше, и после череды приемных семей он наконец обрел любящего отца в лице дяди Уилли. Другой же, малыш Бадди, пережил в детстве нечто ужасное, и теперь не говорит. Чейзом движет сострадание и желание помочь ребенку — он берется разыскать его родителей, а заодно открывает несколько семейных секретов и погружается в историю семьи.

ISBN 978-5-00-580199-9

© Мартин Ч., 2017
© ООО "Эвербук", 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	22
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6	51
Глава 7	54
Глава 8	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Чарльз Мартин

Ловец огней на звездном поле

Чарльз Мартин

* * *

Пролог

Мчащийся с огромной скоростью зеленый «Шевроле-Импала» вылетел с боковой грунтовой на шоссе № 99. На асфальте машину занесло – пронзительно завизжали тормоза, из-под протекторов поднялись клубы дыма, казавшиеся оранжевыми в лучах восходящего солнца. Одна из выхлопных труб, болтавшаяся на проволоке, чиркнула по покрытию, и ее ржавый кончик с остатками хромирования на несколько секунд разогрелся докрасна, став похожим на огонек тлеющей сигареты. Двигатель взвыл, несколько раз стрельнув проржавевшим глушителем, потом машина выровнялась и, набирая скорость, помчалась по прямому участку шоссе, пролегшему вдоль железнодорожных путей. Левый тормозной фонарь «Импалы» был разбит, а лобовое стекло покрывала густая сеть трещин и царапин, сквозь которые едва можно было разглядеть дорогу впереди. К счастью, в этот ранний час шоссе оставалось пустынным, поэтому мчащаяся на всех парах древняя развалина представляла опасность разве что для самого водителя.

Спидометр в салоне показывал свыше девяноста миль в час, хотя на самом деле скорость была меньше – миль шестьдесят пять или даже пятьдесят. Прямой участок шоссе подходил к концу, и водитель резко затормозил, вдавливая педаль в пол обеими ногами. Машину снова занесло – сначала ее потащило к обочине, потом выбросило на разделительную полосу. Еще какое-то время «Импалу» швыряло по дороге, словно воздушный шарик, который вырвался из рук надувавшего его человека. В конце этого беспорядочного пути, вблизи разметки, обозначающей железнодорожный переезд, водитель переключился на заднюю передачу и дал газ. Взревел движок. Машина вновь окуталась сизым дымом, валившим из-под задних крыльев и правой выхлопной трубы. Потом, без всякого предупреждения, «Импала» развернулась, сильно накренившись вправо, и водитель снова газанул.

Мальчишка, сидевший на переднем пассажирском сиденье, глядел в боковое зеркальце заднего вида. Прищулив глаза, так что ресницы почти сомкнулись, он смотрел на россыпи искр, высеченные из покрытия выхлопной трубой. Ее раскаленный докрасна конец представлялся ему чем-то вроде кометы, а прыгающие по шоссе багровые искры – россыпью сорвавшихся со своих орбит звезд.

Тем временем машина, двигаясь по встречной полосе, почти достигла железнодорожного переезда. Только здесь водитель попытался вернуться на свою сторону, но от резкого движения руля машину снова выбросило на встречу. Рассыпавшиеся по южнокаролинскому шоссе искры погасли, венчающая капот фигурка бульдога утонула в клубах пара, пробившегося из-под пробки радиатора, наполовину оторванная обивка потолка провисла и теперь хлопала на ветру, как плохо закрепленный палаточный тент. Все четыре окна в машине были опущены, вместо заднего стекла торчало лишь несколько острых осколков. Дымя, как подбитый танк, «Импала» замерла в нескольких футах от сверкающих железнодорожных рельсов.

От исторических рельсов...

* * *

Поезд дальнего следования «Серебряный метеор» совершил первый рейс в феврале 1932 года. В годы Второй мировой войны местные жители просто выходили из прилегающих к полотну лесов, останавливали поезд взмахом руки и добирались на нем до Нью-Йорка. Там они пересаживались на пароход, чтобы плыть за океан – воевать с немцами. Яркий головной прожектор локомотива раскачивался при движении, отчего освещавший рельсы луч выписывал восьмерки – словно танцевал под пулеметные очереди путевого телеграфа. Еще до войны

в вагонах появились кондиционеры, буфет, откидные кресла, вагон-ресторан и туристический вагон с панорамными окнами. По тем временам все это было невиданной роскошью. Серебристые обтекаемые вагоны класса люкс, пульмановские СВ и проводники в белых тужурках, открывавшие дверцы и опускавшие на платформы специальные лесенки, казались чем-то вроде волшебной колесницы, способной доставить человека из дремучего захолустья в настоящий, большой мир.

В середине пятидесятых «Серебряный метеор» стал одним из самых известных и популярных поездов. В 14 часов 50 минут он отправлялся из Нью-Йорка и уже через три с половиной часа прибывал в округ Колумбия. После небольшой стоянки «Серебряный метеор» снова отправлялся в путь, чтобы на следующий день, ровно в четыре пополудни, высадить пассажиров на железнодорожном вокзале в Майами, Флорида. Через небольшой городок Талманн, расположенный в нескольких милях к западу от переезда, где остановилась сейчас зеленая «Импала», «Серебряный метеор» проносился рано утром.

В те времена перед каждым пересечением с шоссе старший кондуктор непременно сверялся со своими «Гамильтонами»¹, чтобы засечь время, а затем давал длинный гудок. Правда, это не всегда было необходимо. Зачастую подобное представление было чистым бахвальством. С другой стороны, далеко не у каждого была такая работа, как у старшего кондуктора знаменитого поезда!

На пике своей популярности «Серебряный метеор» состоял из двух десятков вагонов и двигался со скоростью от семидесяти четырех до девяноста миль в час, а это означало, что его тормозной путь превышал пять миль. Сразу после Талманна поезд сворачивал южнее, проносясь вдоль побережья Джорджии, а затем добирался до Флориды, разгоняясь на прямых участках между Себрингом и Уэст-Палм-Бич до сотни миль в час. Его стремительный полет создавал ощущение сверхъестественной мощи и сопровождался целой симфонией звуков и запахов. Его головной экскурсионный вагон с куполообразной стеклянной надстройкой появлялся на поворотах словно ниоткуда и сверкал словно Полярная звезда, а еще через минуту вдали в последний раз мелькал тормозной вагон.

На прямых участках кондуктор через каждые четверть мили давал оглушительный гудок, на последней четверти скоростного отрезка сигнал звучал непрерывно. У переездов, стрелок и пересечений с другими путями поезд чуть притормаживал, разражаясь настоящей какофонией скрипа, грохота и других, не менее странных звуков. Стучали буфера, гремели на стыках колеса, лязгала сцепка, звенели звонки, ревели двигатели, гудел гудок, а следом за поездом летели по воздуху горячие искры. Эти звуки сплетались в величественный гимн, который мчался далеко впереди поезда, и у каждого, кто его слышал, мурашки бежали по спине, а грудь переполняло ощущение необъяснимого восторга и почти религиозного трепета. Когда же, мигнув на прощание красным хвостовым фонарем, обдав наблюдателя волной горячего воздуха, запахом дизельного выхлопа, разогретого масла и креозота, поезд скрывался вдали, человек испытывал неясное томление и тоску, словно он только что расстался с любимой или с любимым.

* * *

За рулем зеленой «Импалы» сидела женщина – тощая, почти костлявая, с худыми, сухими пальцами и полупрозрачной кожей. Между тонкими, как спички, бедрами женщины был зажат коричневый бумажный пакет, из которого торчало горлышко бутылки. Большие солнечные очки скрывали глубоко запавшие глаза, делая ее лицо гораздо меньше, чем было на самом деле; это впечатление еще более усиливалось благодаря завязанному под подбородком

¹ «Гамильтон» – американская часовая компания (Здесь и далее прим. перев.).

красному платку, скрывавшему волосы и уши. Широко раскрывая неприятный тонкогубый рот, она что-то яростно кричала невидимому собеседнику, находящемуся где-то по другую сторону покрытого паутиной трещин лобового стекла.

Мальчишке на соседнем сиденье было лет десять, хотя выглядел он на пару лет моложе – настолько он был худым и изможденным и напоминал одичавшего котенка в одном из покинутых людьми поселков где-нибудь на Среднем Западе. Сразу было видно, что в последнее время он частенько недоедал, да и пища его вряд ли была здоровой и калорийной. Из одежды на нем были только обрезанные джинсы – грязные, обмахрившиеся внизу до такой степени, что белые нитки основы стали похожими на одуванчиковый пух. Правую дужку его очков удерживала английская булавка, а обе линзы покрывали многочисленные царапины.

Очки ему дал один из мужчин, в разное время заменявших мальчику отца. Как-то они вместе зашли в «Уолмарт», где был кабинет врача-оптика – специалиста по подбору очков и контактных линз. Мальчик дернул мужчину за брюки, показывая на вход в кабинет. В ответ мужчина нахмурился и шагнул к ящику, куда клиенты врача выбрасывали старые очки. Оглянувшись через плечо, он сунул руку в щель и вытащил из ящика первую попавшуюся пару. Повертев очки в руках, мужчина наклонился и надел на мальчика.

– На тебе. Ну что, в этих лучше?

Мальчик посмотрел на шрамы, покрывавшие руки мужчины, на черный ободок под давно не стриженными ногтями и кивнул.

Это было два года назад.

Сейчас мальчуган смотрел прямо перед собой, прижимая к груди тонкий блокнот на пружине, из которого торчал карандаш. Его бледную до прозрачности кожу покрывали шрамы и ссадины – и поджившие, и свежие, но все они болели. Некоторые были круглыми, толщиной с карандаш, некоторые – длиной в дюйм и почти в полдюйма шириной. На спине, почти в центре правой лопатки, сочилась гноем и сукровицей еще одна, самая свежая рана.

Женщина неожиданно повернулась к мальчику и, уставив ему в лицо тонкий, дрожащий палец, продолжала кричать. Почти одновременно где-то далеко раздался протяжный гудок локомотива, но мальчик даже не вздрогнул. Вздрагивать он отучился уже давно.

Женщина схватила свой пакет, сделала из бутылки несколько больших глотков и продолжила бессвязно кричать что-то понятное только ей одной. Теперь она снова обращалась к невидимому собеседнику за лобовым стеклом автомобиля. Вдали вспыхнула хорошо заметная даже при дневном свете звезда – головной фонарь тепловоза.

Словно в отчаянии, женщина несколько раз ударила ладонями по рулю, снова глотнула из бутылки и, резко повернувшись, наотмашь хлестанула мальчика по лицу, так что его голова мотнулась назад, стукнувшись о стойку крыши. Очки слетели на пол, но мальчик быстро их подобрал. Блокнот он по-прежнему крепко прижимал к груди.

Женщина нервно забарабанила пальцами по колену. Немного отдышавшись после предпринятого усилия, она закурила и, глубоко затянувшись, пустила дым в окно. Мальчик опасливо наблюдал за тлеющим огоньком на кончике сигареты. Женщина сделала еще две затяжки, снова глотнула из бутылки, потом провела рукой по волосам мальчика. Они были пострижены коротко, но неровно, как стригут овец; особенно досталось затылку, где клинья темных волос чередовались с голыми, светлыми местами, отчего голова мальчика походила на футбольный мяч.

В полумиле от переезда поезд миновал белую светофорную мачту и снова загудел. Могучий рев гудка заставил женщину очнуться. Одним глотком осушив бутылку, она бросила на пол и растоптала сигарету и опустила ладонь на плечо мальчугана. Ее пальцы коснулись покрытого подсохшей коркой шрама, и женщина поморщилась. Из скрытых темными очками глаз женщины потоками лились слезы. Несмотря на ранний час и раскрытые окна, в кабине было уже довольно жарко, но мальчугана все равно бил озноб, а кожа блестела от холодной испарины.

Еще несколько мгновений – и в женщину точно бес вселился! Она неуклюже швырнула бутылку в лобовое стекло – в невидимое лицо за ним, но бутылка отскочила от приборной доски и упала на пол, зацепив по дороге полупустую пачку «Винстона». Еще один громкий, донесшийся издали гудок привлек внимание женщины. Секунду она прислушивалась, потом снова повернулась к мальчику и, уткнув ему в лицо палец, пронзительно закричала или, лучше сказать, завывала. Протяжный, терзающий душу вопль вырвался из ее горла, на котором набухли от напряжения вены, похожие на извилистые стебли ползучих растений. Ее крик еще звучал, но мальчик упрямо набычился и покачал головой, хотя плечи его тряслись от страха. В приступе отчаяния женщина еще раз ударила кулаками по рулю, выругалась и отвесила спутнику очередную пощечину. От сильного удара голова мальчика снова откинулась, так что сбитые с лица очки вылетели в открытое окно – линзы отдельно, оправка отдельно. Из разбитого носа и рассеченной губы закапала кровь, но сдаваться мальчуган не собирался. Помотав головой, он прикрылся блокнотом в ожидании очередного удара, но на этот раз женщина не стала его бить. Перегнувшись через колени мальчика, она толчком распахнула пассажирскую дверцу, потом повернулась на сиденье и, упираясь спиной в дверь со своей стороны, подняла согнутую ногу.

Гудок локомотива звучал теперь без перерыва, и точно таким же протяжным был яростный крик женщины. От грохота приближающегося поезда ветхий салон «Импалы» вибрировал и ходил ходуном, а стук колес напоминал артиллерийскую канонаду. Еще несколько мгновений, и женщина решилась. Крепко вцепившись одной рукой в руль, а другой – в сиденье, она с силой выпрямила ногу.

Удар пришелся мальчугану в висок. Он был таким сильным, что беднягу бросило на дверцу, та распахнулась, и мальчик вылетел на асфальт. Блокнот вырвался у него из рук и, трепеща страницами, взвился в воздух, а его хозяин покатился по твердому покрытию, перевалялся через засыпанную гравием обочину и сполз в глубокий, заросший осокой и камышом кювет, на дне которого стояла лужа вонючей воды.

Поезд был уже в сотне футов от переезда, когда женщина включила первую передачу и, дав полный газ, отпустила сцепление. Визжа скатами, машина прыгнула на пути не хуже антилопы, в честь которой когда-то называли ее конструкторы.

Ее бег оказался недолгим. Машина проехала футов десять и снова остановилась – не выдержали болты задних колес. Все еще ревя мотором, «Импала» замерла, на сей раз – прямо на рельсах.

Грузовой состав из ста с лишним вагонов двигался со скоростью около шестидесяти миль в час. Он вез в джексонвиллский порт новенькие «Тойоты». Локомотив ударил машину в бок с такой силой, что она согнулась посередине, став похожа на бумеранг, потом подлетела в воздух, напоминая не то вертикально стартующий истребитель, не то удачно отбитый бэттером флайбол. Кувыряясь, разбитый корпус взмыл над верхушками высаженных вдоль полотна молодых сосен и рухнул на усыпанную высохшей хвоей землю.

Поезд промчался еще сотню ярдов, прежде чем машинист, громко призывая всех святых, нажал на тормоза. Через полмили тяжелый состав, который и сам был почти в милю длинной, наконец остановился, и, пока помощник связывался по радиации со спасательной службой, машинист соскочил на землю, тяжело побежал в ту сторону, где над вершинами деревьев чернел столб дыма и трещало жадное пламя. К тому времени, когда он добежал до места столкновения, покрышки успели расплавиться, а краска на искореженном кузове пошла пузырями. Салон автомобиля напоминал огненный ад. Сквозь дыру, зияющую на месте лобового стекла, машинист разглядел черно-красные пальцы водителя, все еще стискивавшие руль, и поскорее отвернулся, зажав нос рукой.

Минут через двадцать прибыли «скорая помощь» и две пожарные машины. Подъехали также помощник шерифа и фермер, который работал на своем тракторе в миле от переезда и увидел взрыв. Спасатели провели на месте происшествия три часа. Пожарные тушили пламя,

а помощник шерифа и все остальные обсуждали подробности столкновения, пожара и гадали, кем могла быть погибшая женщина. Никто из них не заметил лежащего в кювете мальчишку, а он, в свою очередь, не издал ни звука.

Глава 1

Негромко насвистывая одну из мелодий Пэтти Грин, я вышел на ярко освещенную улицу, надел солнечные очки и бросил взгляд в направлении ступеней городского суда. За те три дня, что я провел в камере, здесь немного изменилось. В Брансуике, Джорджия, вообще мало что меняется. Расплющенные комочки жвачки усеивали ступени, словно разбрызганные чернила. Ленивые, разжиревшие голуби расхаживали вдоль тротуара, выклянчивая у прохожих крошки печенья или хлебные корки. Вдоль переулка пробиралась целая стая бродячих кошек, держа курс в направлении расположенного в четырех кварталах причала – должно быть, доносящийся оттуда галдеж чаек подсказал им, что шхуны креветколовов уже вернулись с утренней рыбалки. Двое полицейских волокли вверх по ступеням сплошь татуированного мужика, чьи руки и ноги были скованы стальными наручниками, и я подумал, что уже скоро он предстанет перед судьей Такстон. Судя по словам, которые вместе с брызгами слюны вырывались из рта татуированного, он тоже это знал и был не в восторге от подобной перспективы. Напрасное беспокойство. Исходя из своего опыта общения с ее честью, я был уверен, что в зале заседаний парень не задержится. Следующим его временным домом должна была стать одна из расположенных в подвале тюремных камер. Их было несколько, и все без окон. Должно быть, из-за этого – а также из-за крошечных размеров – они напоминали чашки Петри, в которых охотно произрастали разного рода плесень и грибки.

В одной из этих камер я побывал и видел все своими собственными глазами. В свой первый раз я нацарапал на бетонной стене: «Здесь был Чейз». В прошлый раз я дополнил надпись словом «дважды». Лично мне это казалось смешным, ведь, как ни крути, я двигался точно по стопам дяди Уилли.

В двух кварталах от здания суда возвышалась над городом старинная колокольня, венчающая перестроенное здание «Сута-банка». Насколько я знаю, в наши дни это довольно обычное явление: немало банков размещаются теперь в бывших церквях и соборах. Эта конкретная церковка, выстроенная в русском стиле, опустела уже давно, еще в начале XX века. Православных в нашем городке всегда было немного, понемногу их число и вовсе сошло на нет, так что от всего прихода остался один священник. Еще какое-то время он, подобно привидению, бродил по церковным подвалам, а потом исчез – то ли куда-то уехал, то ли умер.

«Серебряный метеор» был самым известным поездом, когда-либо проходившим по земле Джорджии, однако то, что происходило *под* землей, было куда интереснее.

Когда в конце XVIII века в Джорджии появились первые иммигранты из России, свою церковь они воздвигли на уже готовом фундаменте. За сто лет до того на этом месте уже существовало построенное городскими жителями здание, побывавшее за век и муниципалитетом, и молельным домом и убежищем. Главной его особенностью был подвал. Почти повсеместно в Южной Джорджии грунтовые воды подходят близко к поверхности, поэтому фундамент муниципалитета был буквально врезан в вершину небольшого холма, благодаря чему подвальные помещения оказались выше уровня подземных вод. Для пущей надежности стены и пол подвала выложили несколькими футами ракушечника. Не сказать, чтобы после этого там стало совершенно сухо, но его по крайней мере не затопливало. В подвал вели два люка и одна замаскированная лестница, которые не раз помогали местным жителям пережить многочисленные нападения индейцев и испанцев, дважды сжигавших стоящее на холме здание буквально дотла.

В наши дни о подвале мало кто знает. Возможно, нас – тех, кто в курсе, – всего четверо. Разумеется, многие слышали, что когда-то подвал здесь был, но большинство уверено, что его залили бетоном еще во время перестройки церкви для нужд «Сута-банка». А между тем подвал по-прежнему существует, и на его стенах еще видны имена, выцарапанные рабами, которые прятались в нем, пока наверху рыскали собаки-ищейки.

Но вернемся к тем временам, когда православный священник – или его дух – навсегда покинул церковные подвалы. В течение десятка лет здание стояло пустым, постепенно ветшая и разрушаясь. В конце концов его купил местный предприниматель, которому пришло в голову создать что-то вроде ссудной кассы, где горожане и окрестные фермеры могли бы брать небольшие кредиты. Он разобрал алтарь, ликвидировал клирос и вынес подсвечники и прочую утварь, установив вместо них несколько расчетных касс и оборудовав хранилище. Одного этого оказалось достаточно, чтобы завоевать признательность сограждан. Воспоминания о Великой депрессии все еще были свежи в памяти жителей Брансуика, которые не могли спокойно смотреть, как пропадает без пользы добротное, крепкое здание. Кстати, если вам когда-либо приходилось строить церкви, не стоит считать подобное отношение к результатам вашего труда варварством и дикостью. Окружающие могут не одобрять ту разновидность Бога, которой вы поклоняетесь, однако это вовсе не значит, что им не по душе ваши архитектурные таланты и предпочтения.

Благодари судьбу и считай себя счастливым – большинство жителей округа Глинн придерживалось именно такой философии. К слову сказать, многие из них весьма гордились тем, что ведут свой род от отцов-основателей – от английских каторжников, сосланных в заокеанскую колонию задолго до начала Войны за независимость. Примерно так же ведут себя и австралийцы, так что подобное поведение отнюдь не уникально. Как бы там ни было, мятежный дух был столь же свойствен жителям Брансуика, как и слепая любовь к футбольной команде «Бульдоги Джорджии».

Да, наша Джорджия входит в так называемый Библейский пояс², и по воскресеньям ее церкви неизменно наполняются народом, однако по-настоящему священным днем здесь является суббота. Каждую субботу, с сентября по декабрь, жители Джорджии дружно собираются вокруг алтарей своих радиоприемников, болея за черно-красные цвета любимой команды. И хотя приходские проповедники пользуются в штате должным уважением, никто из них не обладает таким авторитетом, как Ларри Мансон – радиоголос, который звучит каждый раз, когда играют «Бульдоги». Каждое его слово – это святое благовествование, абсолютная, бесспорная истина. За десятилетия в газетах много писали о «Нотр-Дейм» и «Иисусе-судье»³, о «Багровом приливе»⁴ и Медведе Брайане⁵, о «Пенсильванских пумах»⁶ и Джо Патерно⁷, однако от соленых прибрежных болот и до самых гор каждый точно знает, что Бог, несомненно, один из «Бульдогов». Как же иначе? Ведь в противном случае Ларри Мансон ни за что не сломал бы свой стул!⁸

Это произошло 8 ноября 1980 года. До конца четвертой четверти оставалась всего минута, и «Флоридские аллигаторы» были впереди на одно очко. Мяч был у «Бульдогов», но от конечной зоны противника – и от победы в национальном чемпионате – их отделяло почти все поле. Еще в начале игры нападающий Хершель Уокер удачно увернулся от захвата противника и отыграл семьдесят два ярда, сделав неплохую заявку на бессмертие, но теперь он выдохся и стоял на поле, тяжело дыша после нескольких бесплодных попыток прорваться к конечной зоне. Лишь на последней минуте квотербек Бак Белью из команды Джорджии удачно пой-

² Библейский пояс – регион в Соединенных Штатах Америки, в котором одним из основных аспектов культуры является евангельский протестантизм. Ядром Библейского пояса традиционно считаются южные штаты.

³ «Нотр-Дейм» – стадион футбольной команды «Нотр-Дейм Файтинг Айриш» университета в Нотр-Дейме, Индиана. «Иисус-судья» – мозаика на стене университетской библиотеки, которая видна со стадиона. На мозаике Иисус изображен с поднятыми руками – именно такой жест делает судья в американском футболе, когда одной из команд удастся провести тачдаун.

⁴ «Багровый прилив» – футбольная команда Алабамского университета.

⁵ Пол Уильям Брайан (Медведь) – знаменитый игрок и тренер студенческих команд.

⁶ «Пенсильванские пумы» – студенческая футбольная команда Пенсильванского университета.

⁷ Джозеф (Джо) Патерно – игрок, а впоследствии – тренер футбольной команды.

⁸ Автор ссылается на реальный случай, когда комментатор действительно сломал от волнения стул, на котором сидел.

мал снэп⁹ и, совершив обманное движение, заставил оступиться «аллигатора» Тони Лилли. Прежде чем тот успел восстановить равновесие, Бак передал мяч левому ресиверу Линдси Скотту, который одним стремительным броском преодолел оставшиеся девяносто три ярда и присоединился к Уокеру на Олимпе¹⁰.

Что происходило после этого в ложе прессы, невозможно описать словами. Именно тогда Ларри Мансон и сломал раскладной стул, окончательно утвердив свою славу одного из лучших комментаторов и завоевав вечную любовь большинства жителей Джорджии. Впоследствии журнал «Спортс иллюстрейтид» назвал этот матч лучшей игрой десятилетия, а большинство спортивных журналистов сошлись во мнении, что Хершел Уокер имеет все шансы стать лучшим игроком, когда-либо игравшим в студенческий футбол. Но жители Джорджии не нуждались в каких бы то ни было дополнительных аргументах. Того, что они видели своими глазами и слышали собственными ушами, оказалось вполне достаточно.

Здание редакции «Брансуик дейли» находилось прямо напротив суда. За окном на третьем этаже, где уютился мой крошечный кабинет, я различал даже отсветы заставки на экране моего компьютера. Для меня это было не только рабочее место, но и наблюдательный пункт. В качестве судебного репортера я мог держать руку на пульсе событий, просто глядя в окно, поэтому сейчас мне не нужно было оборачиваться, чтобы прочесть вывеску над головой. Я и так знал, что там написано. «Глиннская окружная тюрьма».

В каталажке я провел три дня и не сомневался, что за это время мой редактор успел обгрызть ногти буквально до мяса. Сейчас он, наверное, стоял у окна своего кабинета и высматривал меня. Как только он меня заметит, ему понадобится всего несколько секунд, чтобы спуститься на первый этаж, выйти из дверей редакции и пересечь улицу. Разговаривать с ним мне не хотелось, и я посмотрел на восток – туда, где среди прибрежных болот, в путаном лабиринте травяных островов, рек, ручьев, устричных банок и протоков затерялась моя яхта. Она уже давно служила мне домом, и я подумал, что отправиться туда прямо сейчас будет лучше всего. Мне уже давно хотелось принять душ, опрыскать себя дезодорантом, а главное – как следует надышаться воздухом свободы. Бумажки, думал я, могут подождать. Я был сыт по горло той всепроникающей, липкой вонью, которой мне пришлось дышать в сырой и холодной камере.

Дядя Уилли сидел на водительском месте и улыбался мне из-под полей широкополой ковбойской шляпы. Точно такую же носил Роберт Дюваль в фильме «Одинокий голубь», вся разница состояла в том, что вместо плотного фетра дядина шляпа была сплетена из листьев сабаль¹¹ и представляла собой, так сказать, облегченный вариант, пригодный для нашей жаркой погоды. Шляпа называлась «гас» – в честь Гаса Макрея, роль которого в фильме сыграл Роберт Дюваль. Спереди ее поля были засалены, а тулья кое-где обветшала, что в общем-то нисколько не удивляло: дядя был ковалем – кузнецом, подковывавшим лошадей, и к тому же большим любителем рыбалки. Эти занятия поглощали все его время, и, постоянно пребывая под открытым небом, дядя носил шляпу, почти не снимая. Как бы там ни было, за прошедшие несколько лет ее поля лишь слегка обвисли. По краям они были все так же лихо закручены вверх, что особенно бросалось в глаза по сравнению с опущенными уголками его губ.

Засунув руки в карманы, я поглубже вдохнул теплый ветер, дувший со стороны соседнего городка Сент-Саймонс. Проносясь над прибрежными болотами, этот ветер напивался густым запахом морской соли и ила и был чем-то вроде нашей местной достопримечательности. Дело в том, что благодаря Гольфстриму, который течет примерно в ста пятидесяти милях от восточного побережья Джорджии, над океаном образуется область высокого давления, больше известная как Бермудский блокирующий антициклон. Этот антициклон отлича-

⁹ Снэп – ввод мяча в игру в американском футболе.

¹⁰ Квотербек, ресивер – амплуа игроков в американском футболе.

¹¹ Сабаль – разновидность пальмы.

ется редкой оседлостью: почти круглый год он остается на одном и том же месте, служа естественной преградой для мигрирующих антициклонов. В результате над нашими Золотыми островами постоянно дуют умеренные теплые ветры, которые не дают вторгаться на сушу ураганам и «харрикейнам» и заодно отгоняют мокрецов – крошечных, почти невидимых, но весьма кусачих mosquitos, от которых в противном случае не было бы житья.

Береговые реки Джорджии – Сатилла, Алтамаха и Малый Брансуик – текут с далеких западных гор, прокладывая себе путь через Бычье болото и заросли спартины, покрывающие засоленные болотистые равнины низкого берега. Прибрежные заболоченные участки фильтруют речную воду, словно марлевое сито, осаждая ил, который превращается в мягкую жирную грязь. Обитающие на дне болот анаэробные бактерии понемногу перерабатывают этот ил и другие осадочные породы, производя целый букет различных газов, которые все вместе основательно припахивают тухлым яйцом. Когда прилив отступает, мелкие крабы, черви и улитки спешат зарыться в этот прохладный ил, чтобы не свариться на жаре живьем. Когда же море наступает снова, все эти твари выбираются из своих нор и ходов, чтобы принять солнечные и морские ванны (точно так же, к слову, ведут себя и наши местные бездомные, которые предпочитают перебиваться случайными заработками, но работать не хотят ни в какую).

В разгар туристического сезона приезжие с севера, запруживающие тротуары прибрежных городов, брезгливо морщат нос и спрашивают: «Чем это так воняет? У вас здесь кто-то сдох?» Формально они правы, поскольку в болоте постоянно что-то умирает и разлагается. Лишь благодаря приливу, который неизменно несет с собой обновление, наши места не превращаются в гниющую клоаку. С его началом все старое, отжившее исчезает без следа, на его месте появляется новое, и все начинается сначала.

Приезжие этого не понимают, и только для нас – для тех, кому болота дарят спокойствие и утешение, – окружающая природа представляется полотном, на котором Бог каждый день рисует свою бесконечную картину. По утрам заросли спартины кажутся золотыми, днем – зелеными, ближе к вечеру они становятся коричневыми, а на закате отливают багрянцем. Помимо всего прочего, местные болота – это часовые, которые днем и ночью охраняют побережье от океана, который может убить его за несколько часов, охраняют самоотверженно и бескорыстно. Ну а лично для меня болота – это дом, который я люблю, и даже запах сероводорода кажется мне родным.

После колледжа я вернулся в Брансуик и купил акр земли на берегу Алтамахи и яхту под названием «Прощай, вдохновение!», которая продавалась с полицейского аукциона. Это был тридцатисестифутовый «хантер»¹², конфискованный во время одной из облав на наркокурьеров, которые частенько причаливают у нашей изрезанной береговой линии. Во время аукциона ведущий – парень из Управления по борьбе с наркотиками – рассказал потенциальным покупателям, что на яхте плавал какой-то исписавшийся флоридский писатель, книги которого перестали продаваться. С горя он начал потихоньку ширяться и в конце концов решил зарабатывать на жизнь перевозкой наркотиков... словом, перешел на темную сторону.

«Вдохновение» была парусно-моторной яхтой. О парусах я имел только самое общее представление, однако суденышко показалось мне довольно уютным. На борту располагались спальня, туалет, душ и крохотная кухня, на носу вполне могло поместиться складное кресло (едва ли не больше всего мне понравилось леерное ограждение из толстого манильского каната, на которое было удобно закидывать ноги). Еще раз как следует оглядев яхту, я попытался представить себе, как буду сидеть на носу, наблюдая за тем, как приходит и отступает прилив, и... поднял руку. «Продано!...» – радостно провозгласил аукционист.

Я спустил «Вдохновение» на воду, завел двигатель, поднялся по реке к своему участку и бросил якорь в месте достаточно глубоком, чтобы во время отлива яхта не ложилась на грунт.

¹² «Хантер» – тип спортивной морской яхты.

От яхты до твердой земли было ярдов восемьдесят, поэтому когда я говорю, что живу на реке, то несколько не шучу.

* * *

Дядя Уилли ждал меня в черном четырехдверном «Кадиллаке» выпуска семидесятых, который когда-то был самым настоящим катафалком. «Кадиллак» частенько таскал за собой и двухосный прицеп-трейлер, который дядя купил на аукционе транспортной компании «Ю-Хол». Трейлер служил походной мастерской, где хранилось все необходимое кузнецу, который разъезжает по окрестным фермам и подковывает лошадей. В случае необходимости в трейлере можно было и переночевать. Сам катафалк, который дядя называл женским именем «Салли», он приобрел лет десять назад, когда одно из городских похоронных агентств решило обновить свой автопарк. С точки зрения дяди, разъезжать по округе на катафалке было отменной шуткой, а поскольку мне были хорошо известны некоторые обстоятельства его жизни, я не мог с ним не согласиться. Не будь у дяди чувства юмора, ему, пожалуй, пришлось бы туго.

Из приоткрытого заднего окна «Салли» торчала удочка, на конце которой болтался силиконовый воблер с ярко-красным кончиком. Сдвинув назад шляпу, дядя приподнял брови, одновременно сдвигая на кончик носа солнечные очки с поляризованными стеклами, и улыбнулся мне немного виноватой улыбкой. Потом он отстегнул ремень безопасности, вскрыл бутылочку шоколадного напитка, затолкал в рот целый «Мунпай»¹³ и отпил из бутылочки с такой жадностью, словно боялся, что у него вот-вот отнимут и то и другое. Глядя, как дядя уплетает сладости, я невольно покачал головой. Порой мне становилось совершенно непонятно, как такой человек смог вполне прилично воспитать такого типа, как я. Впрочем, я отлично помнил как.

Дядя тем временем совершенно снял очки, и они повисли у него на груди на засаленном кожаном шнурке.

– У тебя такой вид, словно за тобой собаки гнались, – сообщил он.

Должно быть, я действительно выглядел несколько, гм-м... взъерошенным.

Я подошел к машине и принялся сдирать с руки пластиковый идентификационный браслет, который на меня надели три дня назад. Примерно такие же дают пациентам в больнице. Когда на меня надевали эту штуку, я сказал, что она мне не нужна – я, мол, и так знаю, как меня зовут. Впрочем, если быть откровенным до конца, это не совсем так.

В этом-то и заключается моя главная проблема.

Я возился с пластиковым браслетом секунд десять, но мне так и не удалось его разорвать. Наконец я потянул изо всех сил – и снова безрезультатно. С тем же успехом я мог бы пытаться сломать стальные наручники.

Дядя покачал головой.

– Ты, как я погляжу, не сумел бы гвоздя забить, даже если бы на ручке молотка была приклеена подробная инструкция.

Дядя Уилли разговаривает на своем собственном языке. Короткие мысли, которые он изрекает, напоминают забавные афоризмы, но понятны они бывают подчас только ему самому. Тетя Лорна и я называем их «уиллиизмами». Впрочем, когда мы беремся за дело вдвоем, нам, как правило, удается разгадать, что дядя имел в виду.

На сей раз, однако, смысл его слов был вполне ясен, и я просунул руку в окошко катафалка.

– Ну, где твоя инструкция?

Дядя Уилли достал из заднего кармана свой складной «Барлоу» и протянул мне.

¹³ «Мунпай» – популярное печенье из вафель в шоколаде с начинкой из джема или суфле.

– Воду из реки лучше брать подальше от водопоя. И желательно – выше по течению...

Дядины «уиллизмы» хороши краткостью и наглядностью. Там, где другому человеку потребовалась бы не одна сотня слов, дядя вполне обходился десятком. К примеру, последняя его реплика означала (по крайней мере, так я думал), что он предусмотрел подобную ситуацию и, зная, что моего ножа при мне не будет, позаботился о том, чтобы его собственный «Барлоу» оказался при нем. (Впрочем, дядя никогда с ним не расставался.) Выйдя из тюрьмы, я до некоторой степени и впрямь оказался в положении «голого человека на голой земле» – в зависимости от окружающих, или, в данном случае, от дяди Уилли, который, насколько мне было известно, никогда не поступал как большинство, то есть, в отличие от меня, старался задумываться о будущем. Но... к чему заводить речь о подобных банальностях, если с помощью пары слов о некоем воображаемом человеке, который пьет чистую и вкусную воду, взятую из реки на пару миль выше по течению из места, куда окрестные фермеры гоняют свои стада на водопой, можно заставить собеседника самому задуматься о том, как важно заранее просчитывать любую ситуацию?

Глядя вперед сквозь лобовое стекло, дядя сунул в рот зубочистку и задумчиво закончил свою мысль:

– ...И тогда никто не застанет тебя со спущенными штанами.

Я покачал головой, открыл меньшее из двух лезвий и срезал с запястья тюремный браслет со своим именем.

– Лучше иметь и не нуждаться, чем нуждаться и не иметь, – вполголоса прокомментировал дядя, пряча «Барлоу» обратно в карман.

Я забрался в «Салли» и застегнул ремень безопасности.

– Очень уж некоторые любят похвастаться, – заметил я. – И своей предусмотрительностью, и кое-чем еще... А те, кто хвастается, становятся похожими на раздувшихся лягушек.

– Я не хвастаюсь.

– Тогда почему ты – ходячий вызов обществу?

Дядя двинул рычаг коробки передач, сделал погромче радио, по которому передавали «Свободную птицу» в интерпретации Вайноны Джадд, и кивнул в такт своим мыслям.

– Если ты сделал то, что сделал, это не вызов и не хвастовство. Ты, парень, многого не знаешь.

И это тоже было верно.

Мне было шесть лет (так, во всяком случае, мне говорили), когда государство определило меня на воспитание в семью Уильяма и Лорны Макфарленд. Это должно было стать – и стало – конечной остановкой в моих скитаниях по разным семьям и по разным приютам, однако, даже прожив с дядей Уилли двадцать два года, я никак не мог понять, за что наш городок так сильно его ненавидит. Не стану скрывать – все это время я очень старался узнать подробности, но не особенно преуспел.

За мгновение до того, как отъехать от тротуара и влиться в поток движущихся по улице машин, дядя Уилли неожиданно снова переключил передачу на нейтраль и, водрузив очки на кончик носа, сказал, как бы между прочим:

– Кстати, Томми вернулась...

У Вилли Нельсона¹⁴ есть песня об ангеле, который подлетел слишком близко к Земле и повредил крыло. После этого он уже не мог летать и был обречен навсегда остаться на нашей планете, но нашелся добрый человек, который его подобрал и выходил. Увы, как только крыло у ангела зажило, он тотчас взмыл вверх и стал подниматься все выше, а человеку оставалось только смотреть ему вслед. И как только дядя Уилли произнес слова «Томми вернулась», мелодия песни сама собой зазвучала у меня в голове.

¹⁴ Вилли Нельсон – американский композитор и певец, работающий в стиле кантри.

Дядя вооружился новой зубочисткой, запас которых всегда был воткнут в обивку над солнечным козырьком, и, сжав ее зубами, пристально посмотрел на меня. Я кивнул, стараясь спрятать взгляд.

– Когда?

Дядя сдвинул очки на переносицу и поправил зеркало заднего вида.

– Пару дней тому...

– А где она остановилась?

Дядя нажал на педаль и, махнув в знак благодарности какой-то женщине в черном «Субурбане», которая притормозила, давая ему отъехать от бордюра, сказал:

– У нас, конечно.

После нескольких лет, наполненных бесчисленными телефонными звонками, на которые никто не ответил, после сотен возвращенных отправителю писем, после смутных и противоречивых слухов, обернувшихся неприглядной правдой, Томми все-таки возвратилась домой.

* * *

Полчаса спустя мы свернули с Девяносто девятого шоссе на извилистую грунтовую дорогу, ведущую прямо к порогу нашего дома. Вдоль дороги росло пятьдесят четыре могучих pekanовых ореха, которые дядин отец – Тиллман Элсуорт Макфарленд – посадил здесь полвека назад. Дядя довез меня до старого амбара.

– Я зайду чуть позже, – пообещал он, глядя на окно под крышей, где на чердаке была оборудована жилая комната – не особенно большая, зато со всеми удобствами. – Надо же вам хоть немного побыть вдвоем.

Я быстро поднялся по лестнице, глубоко вдохнул и толкнул дверь. Чердачное помещение дядино амбара когда-то было моим «домом вне дома». Я жил здесь, пока учился в старшей школе и в колледже, и даже некоторое время после того, как закончил учебу. Даже сейчас, когда мне бывает лень возвращаться на яхту, я иногда ночую здесь.

Кондиционер был выставлен на максимум, и по оконным стеклам стекали капельки конденсата. Когда я вошел, Томми как раз стояла возле открытого холодильника, протянув руку к стоявшему на верхней полке стакану. На ней были брюки от тренировочного костюма, которые выглядели так, словно были велики ей на пару размеров, и рубашка с укороченным подолом, обнажавшим поясницу, на которой я разглядел татуировку с изображением восходящего солнца. Волосы Томми – некогда черные и блестящие, как вороново крыло, – были сейчас выкрашены в неопределенный светло-соломенный цвет и выглядели безжизненными и тусклыми.

Услышав, как открылась дверь, Томми обернулась. Ее лицо показалось мне очень худым. Надбровные дуги выдавались вперед, а похожие на два изумруда глаза, которые я помнил еще со школы, утратили блеск и налились кровью.

Томми улыбнулась, слегка наклонила голову и... Вам когда-нибудь приходилось видеть по телевизору или в кино, как от тающих ледников отламываются огромные глыбы размером с небоскроб – отламываются и падают в океан? Что-то подобное может произойти и с человеческим сердцем. Я, во всяком случае, ощутил что-то подобное, когда запроващенные за ухо волосы Томми упали ей на глаза, а правый уголок губ слегка приподнялся в пародии на улыбку. Именно в этот момент мне показалось, будто мое сердце треснуло и развалилось пополам.

Я кивнул в сторону распахнутой дверцы холодильника.

– Ты что-нибудь ищешь?

– Безвестности, – ответила она, не отрывая от меня глаз.

Продолжая рассматривать меня, Томми шагнула вперед по вытертому ковру. На пальцах ее босых ног блестел свежий ярко-красный лак. Еще шаг. Она остановилась в нескольких дюй-

мах от меня, взяла за руки и мягко потянула. Это не было настоящим объятием – она как будто просила «встретить ее на полпути»¹⁵. Руки и спина у нее были сильными, но маленькая, почти девичья грудь показалась мне неестественной и по-голливудски твердой. Несколько минут мы стояли неподвижно. Томми по-прежнему полуобнимала меня, но какое-то время спустя силы ее иссякли. Прошло еще какое-то время, и я осознал, что теперь уже не она обнимает меня, а я поддерживаю ее, не позволяя упасть.

В тот день, когда она уехала – а это было почти девять лет назад, – шел дождь, и Томми ворвалась в эту комнату под крышей амбара промокшая, с посиневшими то ли от холода, то ли от страха губами. С ее волос капало, с одежды текло. За плечами у нее был небольшой рюкзачок с теми немногими вещами, которые она сумела забрать из своей квартиры, а на лице запеклась кровь. Разбудив меня, она с силой прижалась губами к моим губам. Ее кровь показалась мне горькой на вкус, распухший подбородок был неестественно горячим. Призывая меня к молчанию, Томми коснулась моих губ кончиками пальцев и прошептала:

«Не забудь: однажды я была счастлива. Здесь... С тобой. Я была!..» – Она проглотила готовые пролиться слезы, вытерла лицо рукавом и прищурилась. В одно мгновение ее взгляд стал твердым и пристальным.

«Запомни еще одну вещь, Чейз... Не верь лжи. Она никогда не заменит правду. – Томми откинула голову назад, продемонстрировав несколько параллельных кровоподтеков у себя на шее. – Никогда!.. – Кровь хлынула у нее из носа и закапала с подбородка. – Обещай мне!..»

Я поднял руку, чтобы вытереть кровь, но Томми только отмахнулась. – «Обещай!»

Я кивнул.

Еще один поцелуй – и она снова исчезла, словно растворившись в потоках дождя. Какое-то время я еще различал в дождливом сумраке задние огни ее «Шевроле», похожие на два багровых глаза, потом и они пропали за пеленой падающей с неба воды.

Ее сегодняшнее объятие выдало Томми с головой, как и то, давнишнее.

Она легко поцеловала меня в уголок губ, и я почувствовал, как половинки моего сердца рухнули в океан. Формально Томми считалась моей двоюродной сестрой, но поскольку я был приемным ребенком, родственниками мы были только на бумаге. Кузен, кузина – все эти ярлычки не имели для нас никакого практического значения.

Подавшись вперед, я тоже прижался губами к ее губам. И Томми почти ответила, но тут же отстранилась и, взяв себя в руки, лишь легко провела кончиками пальцев по моим губам. Когда-то она умела разговаривать без слов, с помощью жестов и движений, но теперь забыла этот язык. Уверенная в себе, прямолинейная, отчасти даже резковатая девушка-подросток, которую я когда-то знал, исчезла, уступив место спокойной и сдержанной женщине.

Я открыл холодильник, достал бутылку молока и сделал несколько глотков прямо из горлышка.

– Дома была?

Томми огляделась по сторонам, потом скрестила руки на груди.

– Я *уже* дома.

Я протянул ей молочную бутылку. Она налила немного молока в стакан, потом вернула бутылку мне. Я смотрел, как Томми маленькими глотками цедит холодное молоко. Ее кожа была похожа на грубую серую стеклоткань, натянутую на искореженный деревянный каркас. Впрочем, несмотря на худобу, фигура у нее оставалась спортивной, словно она питалась только здоровой пищей, регулярно занималась йогой и пилатесом и не брезговала услугами пластических хирургов.

Я пытался придумать, о чем бы еще с ней поговорить, когда в дверь постучали. Я почти не сомневался, что это был дядя.

¹⁵ «Встреть меня на полпути» – название песни Джесси Вейр.

– Раньше ты никогда не стучал! – крикнул я ему. – С чего бы тебе вздумалось изменять старым привычкам?

Войдя в комнату, дядя поцеловал Томми в лоб и вручил ей тарелку, накрытую алюминиевой фольгой.

– Вот, ешь, пока горячие. Лорна сейчас придет – только завьет волосы.

Томми сняла фольгу, зажмурилась и втянула носом поднимающийся от тарелки пар. Свежие печенья выглядели очень аппетитно.

– Как здорово!.. – выдохнула она. – Есть же вещи, которые никогда не меняются!

Я посмотрел на нее.

– Кое-что все же меняется.

Томми отправила в рот первое печенье и стала жевать, не обращая внимания на прилипшие к губам крошки расплавленного шоколада. Покончив с печеньем, она вытерла руку о штаны и прижалась к дяде Уилли, просунув плечо под его левую подмышку.

Я готов был сказать еще что-то столь же глупое, как моя предыдущая реплика, но тут зазвонил телефон. Сев на край стола, я нажал клавишу громкой связи.

– Чейз слушает.

– Чейз! – Это был Ред Хэррингтон, мой редактор, сравнительно недавно сменивший Нью-Йорк на наш захолустный Брансуик. – Ну как, понравились тебе твои трехдневные каникулы?

Ред был чистокровным северянином – настоящим янки, который, несмотря на свои сорок с лишним, носил длинные волосы, собирая их на затылке в конский хвост. Дядя часто повторял, что на Юге Ред должен чувствовать себя как кошка с длинным хвостом, случайно попавшая в гостиную, где два десятка людей раскачиваются в креслах-качалках. На самом деле Ред перебрался в наши края лет десять назад, последовав за женой-южанкой, которая, окончив один из привилегированных нью-йоркских колледжей, довольно скоро обнаружила, что ее тошнит и от Манхэттена, и от собственного мужа, обзаведшегося любовницей чуть ли не через год после свадьбы. В настоящее время Ред был бездомным холостяком, вынужденным работать, чтобы выплачивать жене положенные алименты. Газета – вот все, что у него осталось. Насколько я мог судить, прошлое лежало у него на плечах тяжким грузом, однако, несмотря на это, Ред оставался прекрасным газетчиком, обладавшим отменным нюхом на сенсации. Кроме того, он был наделен всепоглощающим стремлением во что бы то ни стало докапываться до правды, как бы глубоко она ни была зарыта. Порой Ред даже представлялся мне квинтэссенцией человека эпохи постмодерна, который никому не доверяет, пребывая в уверенности, что каждый из тех, кто его окружает, скрывает какую-то тайну или секрет.

– На самом деле это было совсем неплохо. – Я посмотрел на телефонный аппарат. – Кстати, спасибо за ужин.

– Не за что. Его стоимость я вычту из твоей зарплаты... Слушай, Чейз, я отлично понимаю, что после тюрюги тебе, наверное, охота побыть дома, чтобы поскорее все забыть, но...

Я бросил быстрый взгляд на Томми. Она ухмыльнулась. По всему было видно, что услышанное произвело на нее впечатление.

– ...Но ты мне нужен. Действительно нужен!

Судя по его голосу, Ред не шутил.

– Что стряслось?

– Товарный поезд столкнулся с автомобилем на каком-то богом забытом переезде. В машине была пьяная женщина. Похоже на самоубийство, но...

– Удалось выяснить, кто она такая?

– Пока нет. Результаты анализа ДНК будут готовы только завтра.

– А по записям зубных врачей проверяли?

– Дохлый номер. У нее были зубные протезы.

– И ты хочешь, чтобы я разузнал об этой женщине как можно больше?

– Разумеется, но для нас ее история сейчас не главное. Куда важнее выяснить все о ребенке, которого она вышвырнула из салона, прежде чем решила припарковаться на рельсах.

Дядя уставился на аппарат. Над его нахмуренными бровями появилась легкая горизонтальная морщинка. Отпустив Томми, он шагнул вперед и остановился возле стола.

– Его нашли только вчера утром, – продолжал Ред. – То есть спустя почти сутки после аварии. Он стоял на дороге с таким видом, словно заблудился и не знает, куда идти. За ночь его жестоко искушали муравьи, но муравьиные укусы – это еще не самое страшное...

Я перехватил взгляд дяди. Что он хочет узнать, мне было понятно без всяких слов.

– А что было самое страшное? – спросил я.

– Приезжай в больницу и увидишь, – отозвался Ред. – Палата 316.

– От самого парнишки удалось что-нибудь узнать? Какие-то подробности?

– Пока нет. Может быть, ты сумеешь его разговорить.

Ред дал отбой, и я выключил громкую связь. Дядя смотрел в окно, за которым расстилось пастбище, росли пальмы и бродило несколько дядиных породистых брахманов¹⁶.

Я снял с крючка у двери ключи от своей машины и снова посмотрел на Томми, которая вытянулась на моей кровати и, натянув до подбородка одеяло, закрыла глаза.

– Ты... ты еще у нас побудешь?

Она кивнула.

– Не беспокойся, никуда я не денусь.

Я шагнул к кровати и тронул ее за ногу.

– То же самое ты говорила и в прошлый раз.

Она повернулась на бок и посмотрела на меня. Сказать, что у нее был усталый вид, значило бы ничего не сказать.

Спустившись вниз, я обнаружил, что дядя уже сидит на пассажирском сиденье моей машины. Он снова надел шляпу и даже застегнул ремень безопасности.

– Куда это ты собрался?

– Я поеду с тобой. – Для наглядности он ткнул пальцем в направлении подъездной дорожки. – Давай уже, заводись.

Интересно, это мне кажется, или мир действительно начал вращаться быстрее с тех пор, как я покинул негостеприимную прохладу тюремной камеры? Похоже, придется обойтись без душа, дезодоранта и отдыха на носу моей яхты. Указания Реда я еще мог проигнорировать, но дядю...

Я ездил на «Тойота-Ленд-Крузер» 1978 года, которую я окрестил «Викторией», или просто «Викки». На мой семнадцатый день рождения – после двух лет жестокой экономии, в течение которых я откладывал буквально каждый цент, – дядя объявил, что удвоит мои сбережения и поможет мне купить мою мечту. Зеленая, с обшитым черной кожей спортивным рулем, мягким верхом типа «бикини»¹⁷, с огромными рубчатыми шинами для езды по бездорожью, лебедкой, ручным отключением привода ведущих колес, четырехступенчатой коробкой передач, демультпликатором и силовыми трубчатыми бамперами спереди и сзади, «Викки» могла пройти практически где угодно. Судя по не успевшей засохнуть грязи под крыльями, моей машине пришлось продемонстрировать свои вездеходные качества буквально вчера, хотя я в это время был в тюрьме. Что ж, подумал я, это вполне в стиле дяди: ребенка можно силой увести из магазина игрушек, но заставить забыть о хранящихся там сокровищах – задача потруднее.

Одной из особенностей, благодаря которой «Викки» не боялась многочисленных преград, была впускная труба, выведенная с правой стороны на уровень крыши. У большинства

¹⁶ Брахман – порода мясных коров, выведенная в США.

¹⁷ Мягкая крыша типа «бикини» – автомобильный тент, накрывающий, как правило, только передние сиденья.

машин впускная труба, через которую в двигатель засасывается воздух, заканчивается чуть выше блока цилиндров, но у моей «Викки» она имела длину шесть с лишним футов. Такие трубы появились в Африке, где британским исследователям и путешественникам частенько приходилось форсировать реки и речушки. Машина с удлиненной трубой способна преодолеть реку вброд, даже когда вода поднимается выше капота. «Викки» могла продолжать движение, даже когда вода полностью заливала руль. Правда, это в теории – на практике я никогда до такого не доводил, однако мысль о подобном трюке приятно тешила мне душу.

В прошлом месяце спидометр «Викки» показал двести тысяч миль. Мы отпраздновали это событие, сменив масло и отрегулировав мосты, а потом выехали на побережье, наловили рыбы и устроили пикник. Надо признать, что «Викки» немного тяжеловата на ходу и редко разгоняется до скорости свыше семидесяти миль в час. На особенно суровом бездорожье ее ресоры начинают жалобно поскрипывать, а вокруг заклепок в колесных колодцах давно появились пузыри ржавчины, однако я продолжаю любить ее нежной и преданной любовью. Причина этой любви проста – по той же причине я люблю и наше заболоченное побережье: когда я сижу за рулем своего вездехода, мне легче дышится.

Именно этого мне не хватало все три дня, которые я провел на попечении штата.

Выжав сцепление, я включил передачу и медленно выехал из амбара. Свернув на подъездную дорогу, я переключился на третью и сразу почувствовал, как мое лицо овеивает теплый встречный ветерок. Его мимолетная ласка походила на дружеский поцелуй, которым «Викки» приветствовала меня после разлуки.

Именно в это мгновение я вдруг подумал о том, что показалось мне странным, когда Томми прижалась губами к моей щеке. Машинально я коснулся лица, потом потер друг о друга кончики пальцев и бросил быстрый взгляд в зеркало заднего вида.

Никаких сомнений не оставалось – у Томми был жар.

Глава 2

Мы добрались уже до самого конца подъездной дорожки, когда навстречу нам попался старый и грязный «Линкольн-Континенталь», принадлежавший некоему Питеру Макквайру по прозвищу Карман. Этим прозвищем наградили Питера клиенты: сколько бы денег он от них ни получал, в его бездонных карманах всегда оставалось место для нового гонорара. Заметив нас, Карман махнул рукой, давая знак остановиться. Я притормозил, и он, выскочив из машины, протянул дяде пухлый конверт.

– Привет, Уильям. Вот, возьми, это копия нашей апелляции.

Дядя кивнул.

– Если и это не сработает, тогда мы можем... – добавил адвокат, но дядя от него отмахнулся.

– Никаких «тогда», – решительно произнес он. – За двадцать лет юридических плясок я остался практически без денег. – Дядя сдвинул очки на кончик носа и взглянул на Кармана в упор. – И большая их часть досталась тебе. Если бы ты не был так чертовски пронырлив, я бы давно разорвал с тобой все деловые отношения.

Адвокат улыбнулся.

– Спасибо за доверие. – Он показал на конверт. – Оригинал уже на столе у судьи: как мне кажется, аргументы мы подобрали весьма удачные. А поскольку правда на твоей стороне, не исключено, что на этот раз...

Дядя посмотрел на него в окно.

– Правда была на моей стороне с самого начала. В этом-то отношении ничего не изменилось.

– Не забывай, Уильям, – я тоже на твоей стороне. – Карман вернулся за руль «Линкольна». – И всегда был.

Когда мы уже выезжали на шоссе, дядя проворчал:

– В таком случае, Карман, ты – один из немногих.

Ветер трепал мягкую крышу «Викки», теперь он нес не только запах солончаковых болот, но и дизельного выхлопа, исходивший от появившегося на железнодорожных путях поезда. Поезд вез легковые автомобили в порты Брансуика и Джексонвилла. Протяжный, нагоняющий тоску гудок локомотива заставил меня мысленно вернуться к единственному воспоминанию, которое осталось у меня об отце.

* * *

Как мне кажется, тогда мне было года три. Услышав далекий, протяжный гудок, я потихоньку выбрался из дома и босиком зашагал по дорожке. Возможно, у меня под ногами была трава, возможно – она была мокрой от росы. Никем не замеченный, я добрался до здания станции и вышел на платформу. С платформы я спрыгнул на пути, чтобы положить на рельс монетку в полдоллара: мне очень хотелось посмотреть, что с ней станет после того, как поезд прокатится по ней всеми своими колесами. Помню кота с длинными усами – серого или, может быть, пятнистого, который прошмыгнул под платформой рядом со мной. Рельсы были холодными, и таким же ледяным показался мне желтый осколок бутылочного стекла, который я не заметил и который вонзился мне в ступню. Не устояв на ногах, я с размаху упал на рельс и почувствовал, как у меня в груди что-то хрустнуло. Какое-то время я не мог пошевелиться, не мог даже дышать. Горячая кровь текла по моей ноге, я чувствовал ее, но был не в силах даже приподнять голову, чтобы взглянуть на рану. В конце концов я все же попытался встать, но

у меня ничего не получилось. Точно Гулливер в плену лилипутов, я был словно привязан к земле тысячами тонких, но прочных нитей.

Я пытался кричать, звать на помощь, но острая боль в боку не давала мне этого сделать. Ни один звук не вырвался из моего широко раскрытого рта. Единственным, что я слышал, был оглушительный гудок приближающегося поезда. Несмотря на овладевшую мной панику, я все же сообразил, что зацепился за что-то поясом или штрипкой моих джинсовых шорт. Неестественно изогнувшись, я попытался отцепиться, но у меня опять ничего не вышло.

Дальше... Дальше я помню только ослепительный свет локомотивных прожекторов и ощущение горячей влаги в паху. Ничего удивительного, что я обмочился от страха, – из темноты и тумана на меня надвигалось ревущее, грохочущее чудовище с тремя горящими глазами, а я был совершенно беспомощен.

Гудок гудел уже не переставая – так, во всяком случае, мне тогда показалось, однако даже сквозь его рев я расслышал быстрые шаги. Должно быть, человек был в тяжелых рабочих ботинках, хотя рассмотреть их я не успел – только почувствовал вибрацию, которая передавалась мне через землю. Сверкнул луч фонарика, потом надо мной склонилась какая-то темная тень. Большие, сильные руки обхватили меня под мышки, потянули и... и штрипка на шортах вдруг лопнула с такой легкостью, словно была пришита всего одним-двумя стежками и вдобавок гнилой нитью.

Потом со мной случилось что-то вроде провала в памяти. Словно тонаrm скользнул по поцарапанной пластинке, перескочив сразу несколько дорожек. Следующим, что я запомнил, были огромные блестящие колеса и ржавые тележки вагонов, проносящиеся в считанных дюймах от моей головы. Потом раздался пронзительный скрежет – поезд начал тормозить. Колеса остановили свое бешеное вращение, но под действием инерции продолжали скользить по рельсам, обдавая меня фонтанами оранжевых искр, которые едва не обожгли мне щеки.

До этого момента мои воспоминания сравнительно отчетливы, словно снимки Энсела Адамса¹⁸, – я и сейчас как наяву слышу скрежет моих сломанных ребер, вижу искры, ощущаю холод рельсов и теплое прикосновение промокших шорт. Все дальнейшее расплывается, тонет в тумане, чернеет, становится неразличимым. Примерно то же самое происходит, когда в старинном кинопроекторе заедает пленку и мощная лампа прожигает в целлулоиде дыру. Вот я оборачиваюсь, чтобы увидеть человека, чьи руки только что выхватили меня из-под колес поезда, но вместо его лица в моей памяти зияет дыра, когда же он начинает говорить, я слышу только шелест и шлепки, похожие на те, которые производит хлещущий по роликам кончик оборвавшейся пленки.

Сколько бы я ни пытался восстановить в памяти те давние события, так сказать – проиграть пленку заново, я так и не смог услышать, вспомнить слово, которое снова и снова твердил мой спаситель. Тем не менее я абсолютно уверен, что он звал меня по имени, которое было моим настоящим именем.

Тем самым, которое он дал мне при рождении.

С тех пор прошло четверть столетия. Я побывал в трех приемных семьях и двух интернатах, пока не попал наконец в дом дяди Уилли и тети Лорны. Где бы я ни был, повсюду я внимательно прислушивался к именам, которыми окружающие звали друг друга и меня. Мне казалось, что, как только я услышу свое настоящее имя, я сразу же его узнаю.

Мне не раз говорили, что, поскольку я был подкидышем – ребенком, которого в буквальном смысле нашли где-то на улице, имя и фамилию мне подобрали практически сразу. Директор приюта давал имена безымянным сиротам примерно так же, как метеорологи дают имена ураганам. По-видимому, в тот год сирот и подкидышей было довольно много, поскольку, когда меня, так сказать, вышвырнули за борт, персонал успел добраться до последних букв алфавита.

¹⁸ Энсел Адамс – американский фотограф, наиболее известный своими черно-белыми снимками американского Запада.

(Иногда я спрашиваю себя, не так ли чувствовал себя Моисей?) Легенда гласит, что в первый же понедельник после моего поступления в приют сотрудники покидали в шляпу бумажки с фамилиями на У, кто какие смог припомнить. Точно так же для меня выбрали и имя.

До сих пор, когда кто-нибудь называет меня Чарльзом Уокером – именем и фамилией, записанными в моей водительской лицензии, – мне кажется, что речь идет не обо мне. Что на самом деле меня зовут совершенно иначе. Я знаю это, потому что Чарльз Уокер не помещается в дыру на пленке моих воспоминаний.

Если хотите понять, что я имею в виду, попробуйте при знакомстве с чужими людьми представляться не вашим, а другим, выдуманным именем. Думаю, вам многое станет ясно, когда вместо, скажем, Майкла вас будут звать Джоном или Биллом.

К тринадцати годам я смертельно устал от жизни между надеждой и неопределенностью. Скопив немного денег, я купил словарь имен (счастливые супружеские пары, которые ждут ребенка, любят листать такие по вечерам) и прочел его вслух – все пять тысяч имен, которые в нем были. Для этого я специально уходил в лес и то шептал, то выкрикивал их во все горло, пытаясь вспомнить то единственное, которое принадлежало мне. Увы, ни одно имя так и не показалось мне знакомым.

Глава 3

Брансуикская городская больница была ничем не примечательным зданием, в котором функциональность одержала победу над архитектурой с разгромным счетом. Подобных типовых проектов полным-полно по всей Южной Джорджии.

Как только мы остановились на больничной парковке, дядя выбрался из машины, вошел в вестибюль и нажал кнопку лифта. Тут надо сказать, что в строгих интерьерах медицинского учреждения смотрелся он не слишком уместно: будучи кузнецом, дядя много времени проводил с лошадьми в стойлах и денниках, поэтому его одежда, если можно ее так назвать, отличалась крайней простотой. Обычно дядя надевал джинсовую рубашку с длинным рукавом и на кнопках (никаких пуговиц!), вытертые джинсы «Рэнглер», старые ботинки, у которых уже дважды меняли подметки, кожаный ремень, на котором сзади было выжжено гвоздем имя Уилли, и красный или синий шейный платок. Дядя утверждал, что платок защищает его от пыли, но я несколько раз говорил ему, что он похож на детский слюнтячик, и советовал промокать им уголки губ. На голове дядя носил либо вытертую бейсболку с эмблемой «Краснокожих из Атланты», либо свой знаменитый «гас» – в зависимости от настроения и от того, участвовала ли наша любимая команда в борьбе за Кубок. Сейчас на нем была именно бейсболка, поскольку в финальной серии «Краснокожие» выиграли уже пять игр подряд, к тому же буквально вчера Чиппер сделал круговую пробежку¹⁹.

Поднявшись на третий этаж, мы вышли из лифта и двинулись по коридору к палате номер 316. У ее дверей сидел в кресле какой-то молодой мужчина в костюме и листал журнал «Спецназ»²⁰.

– Вы репортер? – спросил он, вопросительно глядя на меня.

Я предъявил редакционное удостоверение.

Мужчина кивнул и пожал плечами.

– Желаю удачи, – проговорил он, открывая перед нами дверь.

Палата 316 была угловой, поэтому в ней было сразу два больших окна, и яркий солнечный свет заливал свежeweбеленные стены, сверкавшие, словно горные вершины. Телевизор был выключен. Мальчишка сидел у правого окна и, поглядывая на улицу, что-то быстро чертил в дешевом блокноте на спиральной пружине. Мне бросилось в глаза, что карандаш он держал закрытой ладонью, как художник, рисующий углем, и что рука его движется быстро, уверенно и размашисто. На стуле он сидел, скрестив ноги, а из одежды на нем были лишь длинные пижамные штаны с рисунком в виде бейсбольных мячиков. Услышав, что мы вошли, мальчик сунул карандаш за ухо, захлопнул блокнот и прижал его к себе обеими руками. На нас он даже не обернулся.

Я придвинул к окну еще один стул и сел рядом с парнишкой. Почти минуту я молчал, разглядывая его спину, покрытую огромным количеством шрамов разных форм и размеров. Дядя так же молча обошел нас кругом. Когда он оказался за спиной мальчишки, я услышал, как он непроизвольно охнул, со свистом втянув воздух между передними зубами. Потом дядя вытер нос рукавом, снял бейсболку и, сделав еще пару шагов, прислонился к подоконнику, сокрушенно качая головой. Я услышал, как он тихо, но свирепо выругался вполголоса.

Мальчишка был невероятно худым, почти костлявым. Его бледную, как бумага, кожу покрывали припухшие красноватые пятна – следы муравьиных укусов. Из-под повязки на спине проступила сукровица, медленно стекавшая вдоль выступающего бугорками позвоночника. Дядя некоторое время разглядывал этот ручеек, потом вышел в коридор и вернулся с

¹⁹ Круговая пробежка (хоум-ран) – полный пробег трех баз в бейсболе, приносящий команде нападения очко.

²⁰ На самом деле – «СВАТ» (S.W.A.T.) – американский ежемесячный оружейный журнал.

несколькими марлевыми салфетками, которые он взял на сестринском посту. Опустившись перед мальчуганом на колени, он показал ему чистую ткань и сказал:

– Я хочу просто вытереть тебе спину. Вот этим. Ты не против?

Мальчик медленно кивнул. Он продолжал смотреть в пол перед собой, и я неожиданно подумал, что паренек напоминает мне щенка лабрадора, которого я однажды видел в собачьем приюте. Его густая шерсть свалась и стала похожа на грязную посудную мочалку, длинные уши закрыли половину морды, хвост был поджат, а широкие крупные лапы, которые были почти такими же большими, как у взрослого пса, дрожали мелкой дрожью.

Дядя вытянул вперед ладонь.

– Вот, возьми меня за руку.

Мальчишка на мгновение оторвал глаза от пола, взглянул на протянутую руку и снова уставился вниз.

– Если будет хоть немного больно, сожми ее, договорились? – предложил дядя.

Медленно, как в замедленной съемке, мальчик поднял свою худую ручонку и сунул в дядину ладонь.

Есть такая школьная игра: один игрок протягивает вперед обе руки, другой накрывает их ладонями. Первый должен отдернуть руки, прежде чем второй игрок успеет по ним шлепнуть. Если вы когда-нибудь играли в такую игру, вам должна быть известна одна хитрость: тот, чьи руки находятся сверху, должен слегка надавливать на руки соперника. Именно об этом я почему-то подумал, когда увидел ладонь мальчика в дядиной руке.

Дядя слегка приподнял край пожелтевшей повязки и осторожно вытер сукровицу. Две чистые салфетки он положил на воспалившуюся рану и помог мальчику облокотиться на спинку стула так, чтобы удерживать их на месте.

Мгновение спустя мальчик выдернул руку из его пальцев и снова уставился на свои колени.

– Ну вот и все, – сказал дядя, снова опускаясь рядом с ним на пол. Когда мальчик ничего не ответил, он вытащил из кармана рубашки леденец на палочке. – Ты ведь знаешь – никогда нельзя брать конфеты у незнакомцев? – спросил дядя.

Мальчишка покосился на леденец, потом прикусил губу и снова уставился в пол.

Дядя развернул конфету и снова протянул мальчику.

– Вот. Так будет лучше.

Было видно, что мальчишка колеблется, однако и сдаваться ему не хотелось.

– Ладно, сделаем так... – проговорил дядя, заметив его сомнения, и положил леденец на блокнот, который мальчик теперь держал на коленях. – Съешь, когда захочешь, о'кей?

С этими словами он отступил назад. Рука мальчика чуть дрогнула, медленно сдвинулась вперед и взяла леденец за палочку.

Я посмотрел на блокнот и сказал, стараясь говорить негромко и спокойно:

– Что ты рисуешь?

С тех пор как мы вошли, я еще не видел толком его лица. Мальчик сидел так низко наклонив голову, что мне были видны только его неровно подстриженная макушка и небольшой кусочек лба.

Удерживая леденец одной рукой, мальчик открыл блокнот. На развороте двух страниц был изображен момент, когда передняя часть тепловоза врезалась в легковой автомобиль, похожий на древнюю «Импалу». Набросок был почти профессиональным – не детский рисунок в стиле «палка, палка, огуречик» и даже не упрощенно-схематическое изображение, как в мультфильмах и карикатурах.

– Это твоя машина?

Он покачал головой.

– Но ты был внутри? Ехал в ней?

Мальчик кивнул.

– Как тебя зовут?

Мальчуган вытащил из-за уха карандаш, начертил на странице знак вопроса и обвел его кружком.

Часы отсчитывали секунды. Молчание затягивалось, и я предпринял еще одну попытку.

– Лет до шести меня называли разными именами, – сказал я. – В каждом новом приюте или интернате для мальчиков меня звали по-новому. Это закончилось, только когда дядя – вот он стоит – оформил мое свидетельство о рождении и показал его мне.

Мальчуган бросил быстрый взгляд на дядины потрепанные башмаки.

– Ты никогда не видел своего свидетельства о рождении?

Он покачал головой.

– Но ведь другие люди как-то тебя называли? Как?

Мальчик открыл блокнот на чистой странице и написал на ней крупными печатными буквами: «Сопляк».

Я некоторое время разглядывал надпись.

– Тебя звали только так? И никак иначе?

Он не ответил, и только его левая нога, которая слегка подергивалась, еще когда мы только вошли, запрыгала по полу так, словно была привязана к ниточке, которую дергал и тянул невидимый кукловод-пьяница.

– Ладно... Ну а если бы ты мог выбрать себе любое имя, чтобы другие люди могли к тебе обращаться... какое бы ты предпочел?

Мальчуган замер, даже его колено перестало дрожать. Потом голова его медленно-медленно повернулась в направлении моих ног, задержалась на секунду и снова вернулась в прежнее положение. Похоже, кукловод ослабил натяжение нитей – фигура мальчика выглядела теперь слегка обмякшей.

Только тут я заметил, что в его блокноте осталось всего несколько чистых страниц – все остальные были заполнены какими-то рисунками, эскизами, набросками.

– Покажи мне свой блокнот. Пожалуйста, – попросил я.

Разложив блокнот на коленях, мальчик открыл первую страницу. Спрятав руки за спину, чтобы он не подумал, будто я собираюсь отнять его единственное сокровище (а в том, что мальчик дорожил своим блокнотом, у меня не было никаких сомнений), я наклонился вперед. Дядя, вытянув шею, смотрел поверх моего плеча.

Это было поразительно. Столь реалистичных изображений, сделанных с помощью простого карандаша, я еще никогда не видел. Пропорции, перспектива, расположение рисунка на странице – все было настолько близко к идеалу, насколько это возможно. Но еще более удивительной казались почти фотографическая точность и скорость, с которой он рисовал.

Мальчик медленно листал страницы, а мы с дядей смотрели во все глаза. Мы увидели старый трейлер, стоящий на бетонных блоках вместо колес, упитанную кошку в ошейнике, разлегшуюся на его крыше, немецкую овчарку в тени под трейлером, а также две декоративные фигурки фламинго, которые валялись в траве чуть в стороне. У одной из фигурок была отбита голова. На ступеньках трейлера стоял высокий баскетбольный ботинок с распущенными шнурками и дырой над большим пальцем, трава перед входом была усыпана пустыми пивными банками и бутылками из-под виски «Джим Бим». От угла трейлера тянулась к ближайшему дереву бельевая веревка. На ней сушились мужские трусы, женские стринги, несколько пар джинсов большого размера и одни детские. Позади трейлера рос огромный дуб, почти накрывавший его своими ветвями, а на первом плане красовалась разрезанная пополам пятидесятигаллонная бочка, из которой поднимались языки пламени. Рядом валялся полупустой мятый пакет с древесным углем. К двери трейлера были прибиты крупные цифры 2 и 7. Все окна были распахнуты настежь, а в угловой комнате виднелся большой напольный вентилятор.

Я попытался заглянуть мальчугану в глаза, но он только опустил голову еще ниже.

– Можно перевернуть страницу? – спросил я.

Он кивнул. Я открыл следующую страницу и снова убрал руки за спину.

На второй странице я увидел рисунок мужской руки – крупным планом. Рука была крупной, мускулистой, мозолистой и не очень чистой. Пальцы с силой сжимали пассатижи, которые впивались во что-то похожее на предплечье или лопатку. Складка кожи между губками инструмента была в полдюйма толщиной и около дюйма длиной.

Рисунок на следующей странице изображал ту же руку с пассатижами сразу после того, как они отхватили с лопатки кусок кожи.

Невольно я перевел взгляд на мальчугана – на его руки, плечи и спину. Его кожа напоминала перепаханное снарядами поле битвы. Не считая раны под повязкой, я насчитал полтора десятка шрамов, каждый из которых был примерно шириной с губки пассатижей. Волосы на затылке были местами вырваны, а не просто неровно подстрижены, как мне показалось вначале. Узенькие костлявые плечи покрывали царапины и ссадины, ногти были обкусаны, а ноги и лодыжки покрывала въевшаяся грязь, смыть которую за один раз не представлялось возможным.

Дядя молча рассматривал картинки, то и дело поглядывая то на мальчишку, то на меня. Его губы скривились, а зубами он прикусил щеку изнутри. Время от времени он слегка сплевывал, словно это были кусочки омертвевшей кожи.

Теперь уже я встал на колени, пытаюсь в очередной раз заглянуть мальчишке в глаза. Не прикасаясь к нему, я показал на его покрытые шрамами руки.

– Кто это с тобой сделал?

Невидимый кукловод снова задергал нити, и теперь вдвое быстрее. Затряслась уже не только левая нога мальчишки, но и правая рука. Голова повернулась в направлении дядиных башмаков, качнулась в мою сторону и вернулась в прежнее положение. Наконец мальчишка захлопнул блокнот и скрестил руки на груди.

Я сел на пол перед его стулом и показал на блокнот.

– Как зовут этого человека?

Мой вопрос привел лишь к одному – вместе с рукой и ногой затряслась еще голова мальчика, но я не отступал.

– Ты можешь его нарисовать?

Его конечности сначала замедлили свою пляску, потом и вовсе замерли. Еще через несколько секунд перестала трястись голова. Решив, что парень успокоился, я выждал еще немного и постучал согнутым пальцем по блокноту.

– Покажи...

Мальчик вынул из-за уха карандаш, раскрыл блокнот и минуты за полторы набросал удивительно подробный поясной портрет мужчины. У него были темные волосы, усы и бакенбарды, клетчатая рубашка навыпуск была расстегнута, закатанные рукава обнажали накачанные бицепсы. Пивной живот нависал над ремнем, в углу рта болталась прилипшая к губе сигарета, а на правом плече темнела татуировка, изображавшая какое-то животное со змеиной головой. На левом предплечье я увидел другую татуировку – обнаженная женщина, обвитая огромной змеей. На кармане рубашки находилась нашивка с именем – судя по ней, мужчину звали Бо.

Я показал на рисунок:

– Это Бо? Бо сделал с тобой все эти... все это?

Мальчик никак не отреагировал, но рисунок говорил сам за себя.

– А как его фамилия?

Никакого ответа.

– Бо – твой отец?

Мальчик перевернул страницу и, сильно нажимая на карандаш, написал:

«Нет».

– А твоя мама? Она тоже жила в этом трейлере?

Кончиком карандаша мальчуган показал на написанное на странице короткое слово.

Я раскрыл блокнот на первой странице и показал на протараненную тепловозом «Импалу»:

– Твоя мама была в этой машине?

И снова карандаш уткнулся в «нет».

Дядя медленно наклонился к нам и показал на силуэт женщины за рулем.

– Это была твоя мама? – повторил он медленно.

Прежде чем ответить, мальчуган не менее шести раз переводил взгляд с дядиных ног на мои и обратно. Головы он по-прежнему не поднимал. Наконец он обвел слово «нет» жирным кружком.

Сидя на полу, я слегка откинулся назад, потер подбородок, почесал в затылке. Слишком много в этой истории было нестыковок, слишком многое не складывалось. Да и истории-то пока никакой не было. Забывшись, я похлопал мальчика по колену, заставив его поморщиться.

– Ты любишь пиццу?

Прежде чем ответить, мальчуган с опаской обернулся через плечо. Бросив взгляд на сидевшего за стеклянной дверью охранника, он быстро кивнул несколько раз подряд и, вооружившись карандашом, написал в блокноте:

«Да».

– Как насчет пеперони?

Мальчик показал на «да».

– С двойным сыром?

Он обвел «да» двойным кружком.

– Подожди секундочку, я сейчас.

Я вышел в коридор и набрал на мобильном телефон пиццерии «У Ната», которая не раз выручала меня, когда приходилось допоздна засиживаться в редакции, работая над материалом. Слушая длинные гудки, я вдруг подумал о том, что за все время мальчуган не произнес ни единого слова и что мне так и не удалось увидеть, какого цвета у него глаза. Наконец на том конце взяли трубку, я сделал заказ, и Нат пообещал доставить пиццу через пятнадцать минут, что на самом деле означало полчаса.

Потом я позвонил на мобильник Реду, который ответил на пятом гудке.

– Ты в больнице, Чейз?

– Да. Слушай, может, объяснишь мне, что здесь, собственно, происходит?

– Выяснять, что происходит, – это *твоя* работа, Чейз. Газета считает, что это будет в интересах ребенка.

– Ты, наверное, имеешь в виду – в интересах газеты?

– Одно не исключает другого. Тебе нужно выяснить имя и фамилию этого мальчишки, откуда он родом, кто его родители и какой... какое чудовище в человеческом обличье нанесло ему все эти раны.

Я дал отбой, сунул телефон в карман и еще некоторое время в задумчивости стоял в коридоре. Мне нужно было поговорить со всеми, кто контактировал с этим несчастным ребенком: с пожарными, санитарями «скорой», медсестрами, врачами... для начала. Достав из заднего кармана джинсов маленький блокнот для записей, я сделал несколько заметок. Когда я поднял глаза, то увидел врача – молодого мужчину лет тридцати, – который, остановившись перед дверью палаты, рассматривал листок с данными о текущем состоянии мальчика. Тронув его за плечо, я протянул руку.

– Чейз Уокер. Я из газеты.

Он кивнул и отступил от двери, отчего висевший у него на шее стетоскоп закачался из стороны в сторону.

– Пол Джонсон. Я читал ваши статьи, Чейз. Отличная работа. Особенно мне понравилась статья о контрабандных наркотиках, которые привозили шхуны-креветководы.

Два года назад я действительно заинтересовался циркулировавшими в городе слухами о том, что наши местные промысловики используют свои суда, чтобы доставлять экстази из Майами в Миртл-Бич. Там, где речь идет о наркотиках, всегда появляются большие деньги – слишком большие для простых рыбаков, поэтому вычислить подозреваемых мне было совсем не трудно. Чтобы мои сведения выглядели солиднее, я сделал несколько вечерних съемок, которые потом передал в полицию. Полицейские устроили контрольную закупку, изъяли крупную партию экстази и повязали нескольких курьеров, а Ред потом напечатал мою статью на первой полосе.

– Спасибо, что приехали. – Доктор Джонсон бросил взгляд вдоль коридора, по которому сновали врачи, медсестры, санитары больницы. – Мы считаем, что в данном случае содействие прессы нам необходимо. Нужно же выяснить, кто этот мальчишка и откуда у него эти...

– Скажите сначала, что с ним будет дальше?

– Ну, как только я его выпишу, власти штата определяют его в интернат или подберут ему приемную семью. К сожалению, в округе Глинн не так уж много зарегистрированных приемных родителей. Как сообщили нам окружной прокурор и органы опеки, большинство из них уже кого-то воспитывают и не смогут взять еще одного ребенка, не нарушая существующих норм и правил, остальные же просто не... не захотят взять такого мальчишку.

Доктор обернулся, и вышедший из палаты дядя протянул ему руку.

– Уилли Макфарленд, – представился он. – Я с ним, – добавил дядя, показывая на меня.

Доктор Джонсон машинально пожал ему руку и снова обратился ко мне:

– Насколько мы успели выяснить, этот мальчишка не выносит шума, суеты, громких звуков и голосов. Еще он очень любит мороженое... к тому же ему понравился охранник, который дежурит возле палаты. Он уже раз пятнадцать попросил его показать пистолет... правда, только жестами. – Врач повернулся к дяде. – Вам не удалось его разговорить?

Дядя покачал головой:

– Нет. А вам?

– Он не хочет говорить, – медленно проговорил Джонсон.

– Не хочет или... не может?

Врач кивнул.

– А-а, вы заметили?..

– У цыпленка тоже есть крылья, но это не значит, что он умеет летать.

Доктор Джонсон удивленно вскинул брови, и я поспешил пояснить:

– Дядя... мистер Макфарленд хочет сказать, что внешность бывает обманчива.

– Да-да, разумеется... – Врач раскрыл тоненькую больничную карточку. – Так вот, вчера мы сделали несколько рентгеновских снимков. Насколько можно судить, какое-то время назад мальчик, возможно, перенес серьезную травму трахеи. Гортань повреждена, со временем ее функция может восстановиться... а может и не восстановиться. Ну а кроме того... К сожалению, у меня почти нет опыта работы с такими детьми, к тому же я терапевт, а не психолог, но в специальных журналах я читал, что дети, подвергавшиеся регулярному насилию, могут страдать потерей памяти... и речи тоже.

Я раскрыл свой блокнот, чтобы сделать еще несколько заметок.

– Что вы имеете в виду, док?

– Потеря памяти – это своеобразный защитный механизм, который позволяет ребенку забыть о причиненных ему страданиях. Ну, как если бы на жестком диске компьютера авто-

матически удалялись файлы, содержащие вредную информацию, которая способна обрушить всю операционную систему.

– То есть мальчишка может рисовать как Микеланджело и при этом не помнить своего собственного имени?

– Совершенно верно.

– А потеря речи?

– Это тоже защитный механизм. Дети, которых регулярно избивают по поводу и без повода, стремятся говорить как можно меньше, чтобы лишний раз не привлекать к себе внимания и не напоминать взрослым о своем существовании. Логика тут самая простая – чем меньше их замечают, тем реже бьют. Кроме того, когда такие дети пытаются что-то сказать, им чаще всего приказывают заткнуться. А если учесть, что у этого конкретного мальчугана имеются механические повреждения гортани, то нет ничего удивительного, что он производит впечатление немого.

– Как вы думаете, сможет ли он когда-нибудь говорить?

Врач покачал головой.

– Этого я не знаю. Если со временем его гортань и голосовые связки восстановятся, тогда, возможно, он и заговорит... если захочет, но это полностью зависит от него. В любом случае форсировать события не следует. Еще раз повторю – я не психолог, но мне кажется, что говорить он начнет только после того, как убедится: в этом мире есть люди, которые готовы его выслушать. До сих пор такие люди ему не попадались, так что пытаться разговаривать его сейчас означает... грести против течения. Очень сильного течения.

– Теперь понятно, почему он ни на секунду не расстается со своим блокнотом, – сказал я. Джонсон кивнул и закрыл карточку.

– Да, рисунки просто замечательные. Он делает свои наброски со скоростью профессионала-мультипликатора, к тому же у него, несомненно, талант. Я никогда не видел ничего подобного.

Дядя кивнул.

– Как вам кажется, сколько ему лет?

Врач задумчиво наклонил голову и прищурился.

– Лет восемь или, может быть, девять. Не больше десяти – он еще не вступил в пубертат.

Мы поговорили еще немного, и я записал все, что показалось мне любопытным, чтобы уточнить эти вопросы позднее. Мы уже заканчивали наш разговор, когда я почуял доносящийся от лифта запах пиццы.

Я расплатился с курьером, и мы вдвоем вошли в палату. Дядя расставил на подоконнике одноразовые тарелки и разрезал пиццу. Я успел трижды откусить от своего куска, прежде чем мальчишка прикоснулся к своей порции. Он понюхал свой кусок, придирчиво осмотрел края, потом повернулся к дверям и посмотрел на охранника в костюме. Тот по-прежнему сидел в коридоре, частично загораживая дверь, только сейчас он читал книгу Клайва Касслера в бумажной обложке. Внезапно мальчишка соскользнул со своего стула и направился к двери, и я в очередной раз поразился, каким он был худым – каждое ребрышко отчетливо проступало под кожей, а ноги в пижамных штанах казались тонкими, как тростинки. Двигался он медленно и при этом горбился, как старуха. Добравшись до двери, мальчуган протянул свою тарелку охраннику, предлагая отведать пиццы.

Охранник – а он был раз в пять больше мальчишки – посмотрел на его склоненную макушку, на пиццу и выставил перед собой лопатообразную ладонь.

– Спасибо, приятель, но я на диете. Хочу хоть немного похудеть.

Мальчишка чуть заметно кивнул, повернулся, словно на шарнире, замер на секунду, потом повернулся еще раз и, просунув тарелку под раскрытую книгу, поставил ее парню на колени. Охранник откинулся назад, отложил книгу и сказал:

– Ну ладно, уговорил!.. – Он широко улыбнулся. – Спасибо, приятель.

Мальчишка тем временем вернулся на свой стул у окна. Дядя тут же положил ему еще один кусок, и он наконец начал есть. Ел мальчуган медленно, а глотал с явным усилием, время от времени бросая взгляды на покрытую жирными пятнами коробку. За следующие полчаса он съел четыре куса пиццы и выпил три маленьких пакета молока. Допив последние капли, он взглянул на мою тарелку, где лежали оставленные мною корки.

– Если хочешь, можешь взять, – сказал я. – Я уже наелся.

Однажды, работая над историей с наркотиками, я встретил в порту бездомную собаку, которая обычно появлялась на причале вскоре после того, как рыбаки заканчивали рабочий день и расходились по домам. Три месяца я приманивал пса собачьими лакомствами, но он так и не подпустил меня к себе ближе, чем на три ярда, и не позволил себя погладить. Собственно говоря, он подходил ко мне не ближе, чем было достаточно, чтобы определить, есть у меня при себе что-нибудь съестное или нет. Уловив запах собачьих галет, пес ждал, пока я положу их на землю и отойду подальше. Шерсть у него была грязной, свалявшейся и в репьях, а жил он под крыльцом склада в трех кварталах от порта. Однажды я совершил ошибку, появившись на берегу с треногой, чтобы установить фотоаппарат. После этого пес не появлялся несколько дней, очевидно, приняв треногу за палку. Мальчишка в больничной палате напомнил мне этого бродячего пса.

Я протянул свою тарелку, и мальчишка, оглядевшись по сторонам (похоже, это стало у него чисто рефлекторным движением), переложил корки от пиццы к себе. Пока он ел, я сделал в блокноте еще несколько заметок, воспользовавшись своим собственным методом сокращений и скорописи, так что разобрать их мог только я. Для всех остальных эти похожие на каракули записи не имели никакого смысла. Одна из них гласила, что похожий на живой скелет мальчишка не страдал отсутствием аппетита. Пиццу, во всяком случае, он «убрал» лучше плысосо, не оставив даже крошек.

Когда мальчишка закончил, я положил на его блокнот свою визитную карточку.

– Вот мой телефон, – сказал я. – Если тебе что-нибудь понадобится, попроси кого-нибудь мне позвонить, о'кей?

Вместо ответа мальчуган засунул визитку в небольшой кармашек на внутренней стороне блокнотной обложки. Никаких других жестов или знаков он, похоже, подавать не собирался, и я подумал, что мальчуган, кажется, слишком часто встречал людей, которые много обещали, но ничего не сделали. Быть может, таких визиток у него скопилось уже десятка два, и то, что сейчас он хоть как-то реагировал на наши действия и вопросы, вовсе не означало, что мальчик готов поддерживать с нами какие-то отношения.

Когда мы уже выходили из палаты, я услышал шорох пижамных штанов мальчишки. Обернувшись, я увидел, что он догнал дядю и потянул его за задний карман джинсов. Когда тот обернулся, мальчуган вырвал из блокнота лист и протянул ему. При этом на дядю он по-прежнему не смотрел.

Дядя Уилли довольно долго разглядывал рисунок, прикусив щеку изнутри. Наконец он снял бейсболку и надел мальчишке на голову. Бейсболка была ему, разумеется, велика; она закрывала мальчугану уши и сползала на нос, так что огромный козырек закрыл ему почти половину лица, которое сразу стало казаться еще меньше, чем на самом деле.

По всему было видно, что мальчишка растерялся и смутился – он не привык получать подарки. Дядя, однако, быстро разобрался в проблеме и, наклонившись, отрегулировал пластиковый ремешок точно по размеру его головы.

– Не жмет? – озабоченно спросил он.

Я внимательно наблюдал за нижней половиной лица мальчишки, но его губы не выразили никаких эмоций. Он, однако, не удержался, чтобы не бросить на себя взгляд в большое зеркало на стене, и я заметил, что его подбородок слегка приподнялся.

Мы уже шли по коридору к лифтам, когда нас нагнал доктор Джонсон.

– Одну минутку, сэр...

Мы с дядей обернулись, одинаковым жестом засунув большие пальцы за пояса джинсов – эту привычку я перенял у дяди, а он – у своего отца.

– Простите, вы, кажется, сказали, что ваше имя – Уилли Макфарленд?

Дядя вздохнул и снял очки.

– Да.

Доктор неловко потупился, потом снова посмотрел на нас.

– Еще раз простите, но... вы, случайно, не имеете никакого отношения к братьям Макфарленд из Суты? – спросил он, показывая рукой куда-то в направлении окна.

Дядя снова надел очки.

– Имею.

Врач кивнул, но его брови поползли вверх.

– Вот это да!.. Впрочем...

Я покачал головой. Мне было прекрасно известно, что последует дальше.

– А вы... – Доктор Джонсон не сумел справиться с любопытством и все-таки спросил: – А вы который из братьев?

Дядя улыбнулся и снова взялся за очки, сдвинув их на самый кончик носа.

– Тот, который сидел в тюрьме, – сказал он, глядя на врача поверх стекол.

– Ох...

Дядя кивнул в сторону палаты мальчика.

– Кстати, почему вы не подберете ему новые очки?

Доктор Джонсон машинально бросил взгляд в ту же сторону и пожал плечами.

– Я понятия не имел, что ему нужны очки.

Дядя хмыкнул.

– Взгляните на его переносицу, и вы в этом убедитесь.

Потом мы вышли из здания и снова сели в «Викки». Сразу за стоянкой для грузовиков мы свернули под эстакаду и поехали по шоссе, вдоль которого были высажены молодые сосны. Честное слово, их было здесь не меньше десяти тысяч! Саженцы росли на равном расстоянии друг от друга, их аккуратные ряды были направлены под углом к дороге. Солнце уже опустилось довольно низко, поэтому на дороге было темновато, и промежутки между рядами сосен выглядели воротами, ведущими в гигантский готический собор. Я включил ближний свет и, немного сбросив скорость, задумался о мальчишке.

Прочтя мои мысли, дядя положил мне руку на плечо. Он начал поступать так лет двадцать назад, и с тех пор этот жест значил для меня куда больше, чем отличные отметки в табеле, сумма, проставленная в редакционном чеке в конце месяца, или название должности, которую я занимал. Рука дяди на моем плече говорила мне о том, каков я на самом деле, куда больше, чем все эти и многие другие вещи. Да, я по-прежнему не знал, кто я такой, откуда взялся и кто мои родители, однако этот простой жест будил в глубине моей души, куда не добирались никакие слова, что-то такое, отчего мне сразу становилось теплее. И каждый раз, когда демоны прошлого просыпались, чтобы напомнить мне о том, что даже своим собственным родителям я был не нужен и что они бросили меня на улице, как выбрасывают пустую пачку из-под сигарет, дядина рука на моем плече помогала мне справиться с подступающим к горлу отчаянием.

– Что?..

Дядя некоторое время молчал, глядя в лобовое стекло перед собой, потом забросил ногу на правую дверцу.

– Дети – они как пружины, или, лучше сказать, как Резиновый Армстронг²¹. Сколько бы их ни вытягивали, сколько бы ни гнули, ни выкручивали, сколько бы ни перебрасывали и ни передавали из рук в руки, в конце концов они все равно становятся такими, как были. – Он сплюнул за окно. – Надежда... вот что их питает и поддерживает. – Дядя снова сплюнул и скосил глаза, словно пытаясь рассмотреть что-то у себя на языке. – Не дай бог дожить до того дня, когда они перестанут надеяться.

* * *

Когда дядя и тетя Лорна впервые привезли меня к себе домой, они усадили меня на стул в комнате наверху, и дядя произнес слова, которые мне никогда не забыть.

– Чейз... формально мы для тебя – приемные родители. Это означает, что ты можешь жить с нами, в нашем доме, до тех пор пока за тобой не приедут твои настоящие папа и мама. – Он похлопал рукой по кровати и добавил: – Теперь это твоя комната. Если тебе здесь нравится, можешь жить здесь, пока не отыщутся твои родители.

Я огляделся. Мои ноги не доставали до пола почти на фут.

– Возможно, это произойдет не завтра, – добавил дядя, – поэтому нам нужно решить, как ты будешь нас называть. – Он посмотрел на жену и сглотнул с явным трудом. – Ты можешь называть ее тетя Лорна, а меня... дядя Уилли или просто дядя. Как тебе больше нравится... – Тут дядя немного помолчал, а потом добавил: – Это нужно для того, чтобы ты мог называть своих родителей «папа» и «мама» – когда они появятся.

При словах «когда они появятся» меня охватила дрожь волнения и восторга. Тогда мне казалось, дядя несколько не сомневается, что рано или поздно это обязательно произойдет. До сих пор я иногда испытываю слабый отзвук того, что я испытал тогда. Дядя Уилли сделал то, что до него не делал ни один взрослый: он укрепил надежду, которая жила во мне, сколько я себя помнил. Он фактически *пообещал*, что мои родители могут объявиться в любой день и даже в любую минуту.

* * *

Дядя был прав: дети питаются надеждой и ничем иным.

Прошло довольно много времени, прежде чем я спросил его:

– И когда они перестанут надеяться?

Дядя откинулся на сиденье.

– Не знаю... Может быть, уже совсем скоро.

²¹ Резиновый Армстронг – детская игрушка в виде человеческой фигуры.

Глава 4

В Суте, штат Джорджия, история братьев Макфарленд давно приобрела статус не то легенды, не то мифа. Целое поколение приложило немало усилий, чтобы приукрасить ее, добавить какие-то поражающие воображение детали, так что теперь каждый рассказывает ее на свой лад. До сих пор эту историю живо и горячо обсуждают, до сих пор она служит предметом бесконечных судебных разбирательств и расследований, в том числе и на федеральном уровне. Помимо всего прочего, история братьев зиждется на тройном убийстве – или на трех убийствах. Именно из-за нее, кстати, я провел последнюю неделю в тюрьме. Или, скажем шире, именно из-за этой истории я когда-то решил стать журналистом.

Мне уже исполнилось одиннадцать, когда до меня впервые дошли слухи, что между Уильямом Макфарлендом и его братом не все ладно. Теперь-то я припоминаю, что через несколько месяцев после того, как я попал в дом дяди Уилли и тети Лорны, я начал ощущать некое витавшее в воздухе напряжение, но я тогда был слишком мал (мне было всего шесть), к тому же им удалось сделать так, чтобы «взрослые дела» никак не затрагивали ни меня, ни других детей, которые появлялись в доме. Живя с дядей, я рисовал себе вполне определенную и довольно благодатную картину окружающего, но слухи утверждали, что на самом деле не все так безоблачно, как мне казалось. Убедившись, что мои представления о «большом» мире то и дело расходятся с реальностью, я предпринял собственное исследование, и вскоре стены моей комнаты украсились пестрым коллажем из газетных и журнальных статей, содержавших, помимо огромного количества явной лжи, крошечные обрывки истины.

Много позже, уже на последнем курсе колледжа, мне предстояло подготовить и сдать большой аналитический материал-расследование, который засчитывался нам, студентам-журналистам, как обязательный дипломный проект. Еще в самом начале обучения нас собрали в большой аудитории и объявили правила игры, оказавшиеся предельно простыми: каждый из нас должен был выбрать некую историю или загадочное событие, которое имело бы общенациональное значение, но до сих пор не было ни раскрыто, ни позабыто из-за отсутствия к нему интереса со стороны общественности. Нам следовало провести собственное расследование выбранного случая и раскопать факты, которые не были в свое время обнаружены нашими предшественниками-газетчиками. Не суммировать и заново проанализировать уже известную информацию, а использовать свои способности и таланты, чтобы обнаружить что-то новое, что когда-то ускользнуло от внимания профессионалов. Помимо всего прочего, материал должен был быть глубоким и всеобъемлющим; дополнительные баллы начислялись за использование первоисточников. Короче говоря, успешная дипломная статья должна была обладать следующими основными качествами: иметь общенациональное значение, быть достаточно интересной и сообщать читателю новые и новейшие факты. Казалось бы – просто, но многие мои однокурсники потратили *месяцы* только на то, чтобы найти удовлетворяющую этим условиям тему. Не меньше времени занимало и последующее расследование, которое могло потребовать и десять месяцев, и год, и даже больше.

Передо мной проблема поиска темы не возникла. С самого начала я знал, над чем я буду работать.

История, которую я собираюсь сейчас рассказать, основана на материалах местных газет, судебных отчетах, интервью, сплетнях, слухах, наших местных легендах и даже на значках и надписях, вырезанных на коре старых болотных деревьев. Ред прекрасно это знает, и, хотя он согласен, что мои материалы представляют огромный интерес, он так и не позволил мне опубликовать ни одной строчки.

* * *

Тиллман Элсуорт Макфарленд появился на свет в 1896 году. Впрочем, это еще не самое начало. Чтобы как следует во всем разобраться, необходимо вернуться на годы и десятилетия назад.

Никто точно не знает, как наши Золотые острова получили свое название. Кто-то утверждает, что так их называли открывшие их испанцы, кто-то уверен, что так нарекли их в XVII веке англичане, в ту пору активно осваивавшие все новые и новые территории. Как бы там ни было, остров Си считается едва ли не самым престижным местом во всей стране – он намного престижнее Беверли-Хиллз и Аспена в лыжный сезон, это я говорю вам точно. Мягкая зима, не слишком жаркое лето, умеренные теплые ветры и просторные пляжи – вот чем славятся Золотые острова, представляющие собой самую западную точку Восточного побережья. Штормов в этих местах никогда не бывает благодаря значительной удаленности островов от основного рассадника ураганов, также известного как Гольфстрим. Прекрасный здоровый климат, уединенность и вместе с тем сравнительно небольшая удаленность от крупных городов с их деловыми и промышленными центрами – вот что делает наши острова поистине Золотыми.

Континентальную прибрежную зону, ограниченную с одной стороны глухими лесами, где трехсотлетние дубы увиты бородами испанского мха и где свирепствуют клещи и тропические песчаные блохи, откладывающие яйца под кожу человека, а с другой – голубыми водами Атлантики, где кишат акулы и ядовитые морские ежи, мы называем болотами, хотя это отнюдь не привычные большинству малярийные торфяники. На самом деле это совершенно особая и довольно редкая экосистема, которая по-научному называется «прибрежные марши». Неразведанная, безлюдная, никому не принадлежащая пустошь, которая дважды в сутки затопляется приливом и состоит главным образом из мягких песчаных и глинистых наносов, ручьев, проток, устричных банок и непроходимых зарослей травы-триостренницы, которая в зависимости от высоты солнца кажется то золотой, то багряной, то сумрачно-голубоватой – вот что такое наши болота.

Нам, местным жителям, нравится считать главной особенностью болот или маршей их неповторимый запах. Туристы, впервые проезжающие по дамбе Торрас, брезгливо зажимают носы и спешат поскорее закрыть окна своих автомобилей. Мы же, едва проснувшись, первым делом выходим из домов и, разведя руки пошире, делаем глубокий вдох, торопясь напитать себя этим запахом, наполнить им не только легкие, но и все тело, вплоть до кончиков пальцев. Дыхание болот для нас не вонь разлагающейся органики, а напоминание о ежедневном и ежеминутном круговороте смертей и рождений – о новой жизни, которая вместе с пузырями метана и сероводорода поднимается сквозь жидкую грязь к поверхности.

Первыми в этих местах поселились индейцы-крики. Помимо кучки глиняных черепков и нескольких погребальных курганов, они не оставили после себя ничего, кроме нескольких географических названий. Например, индейские имена носят реки Сатилла и Алтамаха, некоторые водоемы и другие места.

С белыми крики впервые столкнулись в 1540 году. Испанский конкистадор Эрнандо де Сото высадился на это побережье во главе небольшого отряда и объявил его владением испанской короны. Индейцы встретили испанца в целом приветливо, хотя и с любопытством. За теплый прием де Сото сполна расплатился мушкетными пулями и болезнями, косившими индейцев тысячами. Впрочем, его успех оказался недолговременным, да и сам он два года спустя скончался от лихорадки, когда после очередной завоевательной экспедиции в глубь континента пытался выйти обратно к побережью.

В конце концов поредевший отряд де Сото отступил в крепость Сан-Августин во Флориде²², а на побережье появились французы. Отважно сражаясь с москитами и змеями, они основали здесь собственную колонию. Испанский король Филипп II не мог этого вытерпеть и немедленно отправил туда же иезуитскую миссию, которую чуть не поголовно вырезали оставшиеся в живых индейцы. К 1570 году уцелевшие иезуиты, несколько лет жившие как на вулкане, отбыли в Мексику. Их отсутствием воспользовались францисканцы, появившиеся в наших краях в 1573 году.

А теперь давайте заглянем на сто лет вперед и заодно перемахнем океан, чтобы взглянуть, что происходило в это время в доброй старой Англии. После нескольких лет изнурительной войны долговые тюрьмы страны оказались переполнены – в том числе и вполне респектабельными членами общества, которые превысили кредит, пытаясь заплатить зубодробительные налоги. Имея в перспективе длительные сроки заключения, которые им предстояло отбывать в сырых, грязных камерах, питаясь черствым хлебом и гнилыми овощами (к тому же именно в это время в Англии разразилась эпидемия оспы), эти господа едва ли не с радостью ухватились за возможность отправиться за океан, чтобы заселить новую колонию, названную Джорджией, по имени тогдашнего британского монарха Георга II, и располагавшуюся на Восточном побережье Америки между Южной Каролиной и Флоридой. Во имя Бога и страны... и во имя прощения всех долгов.

В 1732 году двухсоттонный фрегат «Анна» доставил в Новый Свет сто четырнадцать «заключенных» и их семьи. Экспедицию возглавлял британский генерал по имени Оглторп. Фрегат встал на якорь вблизи первого английского поселения в Южной Каролине, названного Чарльз-Тауном в честь короля Карла II. Утомленные длительным плаванием моряки не захотели отправляться куда-то еще и в полном составе остались в «городе Карла». В 1736 году Оглторп, бросая вызов враждебному окружению, вновь снарядил свой корабль и отправился вдоль побережья по направлению к острову Кокспер. На борту фрегата было несколько кузнецов, плотников, фермеров, которые высадились на острове Сент-Саймонс и построили там небольшой форт, получивший название Фредерика. Оглторп, понимавший, что колонистам потребуется духовное руководство, захватил с собой из Англии двух священников-миссионеров – братьев Джона и Чарльза Уэсли. Эти двое занимались тем, что обращали индейцев и создавали то, что в наши дни называется методистской церковью.

Испанцы, по-прежнему хозяйничавшие во Флориде, расценили появление новой колонии как угрозу интересам испанской короны в Новом Свете. Довольно скоро из Сан-Августина выступил большой отряд, который двинулся на север с намерением предать британские форты на побережье огню и мечу. Испанцев было намного больше, чем англичан, поэтому они чувствовали себя весьма уверенно, не сомневаясь в легкой победе. На привалах они жгли костры и, составив ружья в пирамиды, готовили еду. Но англичане, ведόμεе опытными следопытами из числа шотландских горцев, не дремали. Прячась в зарослях сабала, они подкрадывались к неприятельскому лагерю, пока не почуяли запах готовящейся на кострах пищи. Наутро окрестные болота покраснели от испанской крови, а британцы окончательно утвердили свое владычество в Джорджии. В наше время место этой эпической битвы носит название Кровавого болота.

Прошло еще несколько лет, и в 1782 году колонисты, придавленные все теми же непомерными налогами, от которых они когда-то бежали, объявили о своей независимости и изгнали со своей территории представителей британских колониальных властей.

Независимая Джорджия оставила в истории довольно заметный след. Фермеры соседней Южной Каролины имели смутное представление о севообороте, а поскольку в те времена им приходилось удовлетворять растущий спрос на хлопок практически в одиночку, они довольно

²² Сан-Августин (английское название Сент-Огастин) – старейший из ныне существующих городов США, расположен на Атлантическом побережье в штате Флорида.

скоро истощили свои поля. Обнаружив, что земли, лежащие в устье рек Алтамаха, Фредерика и Сатилла напротив Золотых островов, отличаются завидным плодородием и урожайностью, каролинские плантаторы быстро прибрали их к рукам и создали сложную дренажную систему, остатки которой можно кое-где увидеть и по сей день. На осушенных землях снова начали сажать хлопчатник, но не обыкновенный, а особо тонкий, длинноволокнистый, семена которого были привезены из Вест-Индии и с Барбадоса. Новый сорт сырья пользовался в мире еще бóльшим спросом; плантаторы собирали огромные урожаи и богатели не по дням, а по часам, однако вскоре перед ними встала еще одна проблема. Перед продажей хлопок-сырец необходимо было очистить от семян и других посторонних примесей, а в те времена сделать это можно было только вручную.

В 1786 году вдова Натаниэла Грина с плантации «Маллбери» наняла своим детям гувернера, которого звали Элай Уитни. Заметив, что молодой человек наделен инженерными способностями, женщина попросила его придумать какой-нибудь более производительный способ очистки хлопка. Так появился хлопковый волокноотделитель, изобретение которого повлияло на историю человечества почти так же сильно, как печатный станок. Кроме того, примерно в то же время в Англии была сконструирована модернизированная прядильная машина, которая более или менее уравнивала баланс между спросом и предложением. Теперь английская промышленность могла переработать весь хлопок, который производили плантации Джорджии и Южной Каролины, благодаря чему цены на хлопок-сырец не просто не снизились, а, напротив, взлетели до небес.

Довольно скоро Джорджия – бывшая колония, населенная потомками несостоятельных должников и банкротов, вырвавшихся из долговой тюрьмы лишь по удачному стечению обстоятельств, – стала одним из самых известных штатов страны. Собранные руками черных рабов «белое золото» стало основой экономики южных штатов. Огромные плантации в Хэмптоне, Кэннонс-Пойнте, Ретрите и других местах, дававшие огромные урожаи и приносившие своим владельцам баснословные доходы, превратили Джорджию в своеобразное «государство в государстве» со своими законами, правилами и традициями. Эти правила и традиции были настолько сильны, что именно сюда в 1804 году бежал вице-президент США Аарон Бёрр, застреливший на дуэли секретаря казначейства Александра Гамильтона.

Надо сказать, что это был не первый и уж далеко не последний случай, когда убийцы искали убежища в наших краях.

Король-хлопок был не единственным богатством Джорджии. Не меньшие прибыли приносила местным жителям заготовка и продажа древесины, которую охотно покупали даже в других странах. Наличие сразу нескольких больших рек, впадавших в океан близ Золотых островов, позволяло доставлять на побережье огромное количество плотов, сколоченных из первоклассных бревен. На многочисленных лесопилках бревна освобождали от коры, наскоро обтесывали, а затем грузили на корабли, которые доставляли их в Англию и страны Востока. Большинство парусных кораблей американского флота той эпохи, знаменитых тем, что ядра неприятельских пушек отскакивали от их бортов, не причинив вреда, были построены именно из виргинского дуба, во множестве росшего в Кэннонс-Пойнте.

Но, как в свое время и в Южной Каролине, почва Джорджии быстро истощилась, да и рабский труд начал, так сказать, «выходить из моды». Очень скоро некоторые из жителей штата на своей шкуре узнали, что богатство, которое зиждется на несчастье и страдании других, убивает не только тех, кто его создает, но и того, кто им владеет.

В течение какого-то времени некоторые из местных плантаторов пытались сажать рис, но это занятие оказалось слишком сложным и не особенно прибыльным. После катастрофы 1898 года, когда аномально высокий прилив затопил болота, нагнав девятифутовую волну, большинство рисовых плантаций оказались заброшены – кому понравится вкалывать, зная, что плоды твоих трудов могут быть смыты в океан буквально в течение нескольких часов? После этого

рис в Джорджии почти не сажали – вся энергия местных предпринимателей оказалась направлена на заготовку леса.

Сразу после окончания Гражданской войны на побережье появились сотни конных, паровых и водяных лесопилок, которые производили строительные материалы как для внутренних нужд страны, так и для экспорта. В последней четверти XIX века лесопилки Брансуика, Сент-Саймонса и окрестностей стали центром притяжения для огромных океанских пароходов, которые уходили отсюда загруженные кругляком, тесом, доской и другими пиломатериалами. Знаменитый Бруклинский мост – и тот был почти целиком построен из леса, вывезенного из Брансуика.

Как известно, природные ресурсы не бесконечны; когда-нибудь они обязательно истощатся, и случится это тем раньше, чем интенсивнее эксплуатируют их люди. Запасы древесины тоже начали подходить к концу, но у Джорджии оставались еще ее Золотые острова. В 1886 году пятьдесят три члена неформальной организации, ставшей впоследствии известной как «Клуб имен» (его члены называли друг друга только на «ты» и по имени, зато люди попроще обращались к ним с неизменным добавлением почтительного «сэр»), приобрели у Джона Юджина Дюбиньона остров Джекил. Среди членов клуба были такие люди, как Джон П. Морган, Уильям Вандербилд, Джон Д. Рокфеллер, мой любимец Джозеф Пулитцер и другие. Плата за членство в клубе составляла миллион долларов с каждого, причем за эти деньги можно было только приехать на остров – за все остальное приходилось платить дополнительно, и надо сказать, что это были астрономические суммы. Когда в начале XX века все пятьдесят три члена клуба собрались на острове, они владели одной шестой частью всех мировых богатств. Именно с этого острова они совершили первый в истории трансокеанский телефонный звонок, а немного позднее, во время охоты на уток, разработали план создания Федеральной резервной системы США. «Клуб имен» процветал в двадцатых, пережил тридцатые, после чего был продан штату Джорджия. Произошло это, как ни любопытно, сразу после введения крайне обременительного для состоятельных людей прогрессивного подоходного налога, и я не думаю, что это было совпадением. Интересно все же, как иногда поворачивается жизнь...

Но свято место пусто не бывает. После того как члены «Клуба имен» покинули Золотые острова, туда ринулись любители красивой жизни рангом помельче. А с наступлением эпохи «Серебряного метеора» эти люди стали появляться в наших краях десятками и сотнями. Золотые острова, известные к этому времени по всей стране, манили знаменитостей и просто прожигателей жизни, благодаря чему новый пятизвездочный клуб «Галерея» всегда был полон. В его книге посетителей расписались и знаменитый Чарльз Линдберг²³, посадивший свой самолет на наскоро подготовленной полосе на острове Сапело, и Юджиния Прайс²⁴, и многие другие знаменитости.

В 1920 году двадцатичетырехлетний герой Первой мировой войны, только что демобилизованный рядовой Тиллман Элсуорт Макфарленд сошел с поезда в Талманне. Помимо небольшого солдатского сундучка, набитого медалями, у него не было с собой ничего, кроме нескольких пил, молотков и топора с топорщиком из древесины гикори. Если не считать семидесяти долларов наличными, это было все его имущество, но сам Тиллман был убежден – для нормальной жизни у него имеется все необходимое. Главным, однако, были не деньги или инструменты, а смекалка да твердая решимость больше никогда не возвращаться в траншеи. И пока большинство пассажиров усаживались в такси, которые должны были доставить их на прибрежные пляжи, Элсуорт принялся обходить ближайшие к вокзалу дома, предлагая нарубить дров, очистить землю от пней или молодой поросли, выстроить сарай или конюшню.

²³ Чарльз Огастес Линдберг – американский летчик, ставший первым, кто перелетел Атлантический океан в одиночку.

²⁴ Юджиния Прайс (1916–1996) – американская писательница, автор исторических романов, действие которых разворачивается главным образом на американском Юге.

Одетый в белую рубашку, галстук и шерстяные брюки, он с широкой улыбкой пожимал руки хозяевам и с ходу заявлял: «Если моя работа вам не понравится, можете мне не платить».

С его стороны это был крайне удачный, как сказали бы сейчас, маркетинговый ход. Местные жители пожимали натруженную, мозолистую ладонь, заглядывали в глубоко посаженные, но честные глаза бывшего солдата и решали дать ему шанс. Вскоре слухи о его трудовой этике (честная работа от зари до зари – и никаких перекуров) распространились довольно широко. Спустя всего несколько месяцев Элсуорт купил акр земли, обменял трехмесячный запас дров на старую лошадь, выстроил небольшой дом и открыл собственный бизнес (он занимался заготовкой леса и живицы). Каким бы скромным ни было его предприятие, оно все же давало средства для жизни. Он даже смог кое-что откладывать, но главное – за первые пару лет Элсуорт исходил округ Глинн вдоль и поперек и знал его как свои пять пальцев.

В течение первых восьми лет его предприятие процветало. Когда клерки с Уолл-стрит начали выбрасываться из окон, Элсуорт, не истративший зря ни одного заработанного цента, приступил к осуществлению плана, который и привел его на Юг. «Тот, кто землю покупает, никогда не прогадает», – говорил он. К 1931 году Элсуорт приобрел двадцать шесть тысяч акров земли в окрестностях Суты – в двадцати милях от Брансуика. Свое имение он назвал просто: Сута.

Для местных жителей элсуортовская Сута была всего лишь лесом, состоявшим из больших сосен и узловатых дубов, которые росли на взгорках вокруг болота, называемого Бычьим. Это было самое настоящее болото – десятки и сотни акров труднопроходимых, девственных зарослей, бочагов и глубоких, илистых ям, из которых ни один человек не смог бы выбраться без посторонней помощи. Алтамаха, протекавшая сравнительно недалеко от Суты, затопляла Бычье каждый раз, когда после сильных дождей реки и речушки в центральных районах штата переполнялись и выходили из берегов. Комары, москиты, змеи, клещи и прочие напасти дополняли картину.

Прослышав о приобретении Элсуорта, жители Талманна, Попвелвиля, Джессапа, Дэриена и Брансуика лишь качали головами да выразительно крутили пальцем у виска. Мол, у этого парня не все дома. Никто не подозревал, что во время своих пеших походов Элсуорт многое подмечал, изучал, анализировал и в конце концов понял то, о чем большинство давно и благополучно забыло. На самом деле около сотни лет назад Сута представляла собой юго-восточную часть огромной плантации, владельцы которой не могли сажать столько хлопка, сколько им хотелось, из-за чересчур влажной песчаной почвы. В 1856 году они все же начали растянувшиеся на десять с лишним лет работы по осушению этого района, пытаясь отвести из Суты застаивавшуюся там дождевую и речную воду. Десятки рабов с заступами и упряжки мулов строили дамбы и рыли дренажные каналы такого размера, что в них можно было ловить рыбу и плавать в небольших челнах.

А потом грянул 1865 год²⁵.

Как в годы Гражданской войны, так и после нее огромная плантация неуклонно приходила в упадок, сдаваясь объединенному натиску сосны-сеянца, сорняков, ползучих растений, паводковых вод и туч москитов размером с динозавра каждый. Глубокие лужи стоячей воды сделали некогда плодородные поля совершенно непроходимыми, поэтому никто, кроме давно умерших владельцев, не знал, какое богатство здесь зарыто. Впоследствии плантация была произвольно поделена на небольшие участки и продана тем, кто готов был их купить. О том, насколько неподходящими считались эти земли, прекрасно говорит тот факт, что в девяностых годах XIX века две конкурирующие между собой железнодорожные компании дружно решили проложить рельсы в *обход* бывшей плантации, чтобы – в буквальном и переносном смысле –

²⁵ Имеется в виду год принятия 13-й поправки к конституции США, запрещавшей рабство и принудительный труд, кроме наказания за преступление.

не увязнуть в проблемах. Тридцать пять лет спустя эти железнодорожные пути и образовали границы огромного участка, который Элсуорт собрал из десятков крошечных наделов, владельцы которых уже не чаяли, как от них избавиться. В условиях глубокого кризиса, в котором тогда находилась экономика страны, землю отдавали за бесценок, а то и за символическую цену в один доллар, чтобы не платить налогов.

Подробно изучив систему дренажных рвов, дамб и насыпей, Элсуорт пришел к выводу, что все предыдущие попытки осушить участок вокруг Суты лишь ухудшили ситуацию. Из-за вкравшейся в расчеты прежних владельцев ошибки примитивные ирригационные каналы не столько отводили с плантации лишнюю воду, сколько собирали ее со всех окрестных территорий. Почесав в затылке, Элсуорт составил примерный план работ и арендовал тяжелую технику. В Бычьем болоте, служившем чем-то вроде отстойника для излишков воды, которую несла к океану Алтамаха, на протяжении десятков, а может быть, и сотен лет скапливались ил, осадочные породы и минералы, мертвые травы, деревья и прочие органические отходы. Сеть незаконченных пересекающихся отводных каналов, которые ничего не отводили, превратила эту территорию в гигантскую ванну площадью двадцать шесть тысяч акров, давно нуждавшуюся в том, чтобы какой-то человек вытащил затычку, прочистил сток и проложил новые трубы. Таким человеком стал Элсуорт. В течение первых шести месяцев 1932 года он расчищал и углублял дренажные рвы, взрывал динамитом старые бобровые плотины и поднимал на поверхность могучие древесные стволы, утонувшие в трясине в самом сердце Бычьего болота. Когда уровень воды немного понизился, Элсуорт начал строить систему каналов, способных если не превратить Бычье болото в проточный водоем, то, по крайней мере, нормализовать приток и отток паводковых вод. Ясно видя цель и перспективы, он рискнул последними деньгами и полгода спустя нанял еще несколько самосвалов, бульдозеров, экскаваторов и с полсотни рабочих, чтобы проложить на участке несколько удобных дорог и довести до конца работу, начатую черными рабами больше полувека назад. Всего через пару недель вода отступила с большей половины участка, а еще через три месяца Элсуорт уже разъезжал по нему верхом, разглядывая сокровище, которое ему досталось.

Интересовали его главным образом деревья.

Деревья.

Дренажные рвы, проложенные по дамбам удобные дороги и широкий водоотводный канал, впадавший в Алтамаху, являлись той самой необходимой *инфраструктурой*, которая обеспечивала транспортную доступность лесистого участка вокруг бывшего Бычьего болота. Возможно, Элсуорт не знал слова «инфраструктура», но практической сметки ему было не занимать. Как и деловой хватки. Ему было всего сорок, когда он основал лесозаготовительную фирму «Сута форестс». Самым интересным было, однако, то, что Элсуорт с самого начала сообразил, как избежать самой распространенной ошибки начинающих предпринимателей, занимающихся заготовкой леса. Если с самого начала ухаживать за деревьями как следует, думал он, а главное – сажать больше, чем будет вырублено и продано, тогда его золотая жила никогда не истощится.

Так он и поступал. На месте каждого срубленного дерева Элсуорт сажал два. Постоянно работая на своем участке, он узнал его еще лучше, а главное, обнаружил шесть полноводных ключей, которые продолжали подпитывать центральное озеро, образовавшееся на месте самой глубокой части болота. Вода в ключах была пресной и чистой и как магнитом притягивала к себе самых разнообразных животных – в том числе одичавших коров мясной породы, обитавших в окрестностях Суты с тех самых пор, когда здесь существовала огромная плантация.

Как только подготовительный этап был завершен, дела Элсуорта очень быстро пошли в гору, и уже очень скоро те же самые местные жители, которые когда-то смеялись над ним,

называя его Джонни Яблочное Семечко²⁶, теперь нередко обращались к нему за советом и помощью, почтительно называя его «сэр» или, на худой конец, «мистер Макфарленд».

К началу сороковых компания «Сута форестс» стала одним из самых крупных промышленных предприятий юго-восточного региона. Сортовая древесина, которую она производила, использовалась при строительстве домов, кораблей, мостов и даже нью-йоркских небоскребов. Это было тем более удивительно, что Элсуорт сумел создать свою фирму буквально на пустом месте как раз в то время, когда большинство местных предпринимателей лишились последней рубашки.

Кроме денег Элсуорт приобрел в округе Глинн огромное количество друзей, сторонников и просто доброжелателей, хорошее отношение которых тоже оказалось своего рода капиталом. Когда к 1945 году Элсуорт заработал столько денег, что они, фигурально выражаясь, не «помещались под матрасом», и решил открыть собственный банк, очередь из людей, готовых доверить ему свои сбережения, растянулась на целый квартал.

Но сначала Элсуорт купил стоявшую по соседству с кинотеатром «Ритц» старую церковь – просторное здание из серого камня с такой высокой и крутой колокольней, что перекрывавшие крышу рабочие вынуждены были воспользоваться альпинистским оборудованием. Несмотря на то что Джорджия входила в Библейский пояс, церковь оставалась невестребованной, так как была выстроена в соответствии с канонами русского православия. В баптистско-протестантском окружении православные закрепиться не сумели; из-за отсутствия паствы приход был ликвидирован, а здание церкви продано городу за символическую плату. Десятилетие спустя Элсуорт выкупил его у муниципалитета Брансуика и полностью перепланировал. Крытый притвор он превратил в зал расчетно-кассового обслуживания для автомобилистов, а в трапезной оборудовал хранилище-депозитарий.

Хранилище было не простым. Его трехфутовой толщины стены были отлиты из усиленного железобетона, а со стальной дверью толщиной в фут не справилась бы и самая мощная японская авиабомба. Слух о том, что в банке Элсуорта стоит самый надежный в Джорджии сейф, распространился довольно быстро. Война еще продолжалась, недоверие к правительственным финансовым учреждениям росло, поэтому банк пользовался у местных предпринимателей бешеным успехом. Когда же война закончилась, растущий спрос на строительные материалы и кредиты привел к тому, что в банковском мире случается исключительно редко: «Сута-банк» принес своему владельцу прибыль уже на второй год своего существования.

Банковский бизнес пришелся Элсуорту по душе. Ему нравилось общаться с клиентами, нравилось помогать людям покупать дома и сельскохозяйственную технику. Едва ли не больше всего он любил поддерживать тех, кто не мог получить заем или кредит в других местах. Бывало, облагодетельствованные им люди пропускали очередной платеж или два. В этих случаях Элсуорт лично являлся к ним домой и за стаканом чая и порцией грудинки подробно объяснял, как лучше преодолеть встретившиеся им трудности. В результате к 1948 году «Сута-банк», он же – Первый национальный банк Суты, имел самый высокий в Джорджии процент возвращаемости кредитов, самый высокий процент удержания ценных бумаг и самый низкий процент случаев изъятия заложенного под ипотечный кредит имущества.

Иногда, когда Элсуорту становилось слишком тесно за директорским столом, он потихоньку выскальзывал в боковую дверь, ехал домой и, оседлав лошадь, отправлялся на свой участок. Как ни сильно нравилось ему банковское дело, сажать деревья нравилось ему еще больше. Банк укреплялся, лесозаготовки процветали, и со временем Элсуорт нанял подходящих управляющих для обоих предприятий. Чуть ли не впервые в жизни у него появилось

²⁶ Джонни Яблочное Семечко (Джонни Эплсид) – христианский миссионер, сельскохозяйственный энтузиаст, ставший впоследствии фольклорным персонажем. Его прозвище происходит от того, что он первым начал сажать яблони на Среднем Западе Америки.

свободное время, досуг, но ему все равно казалось, что он не сделал в жизни еще чего-то очень важного. Ему было пятьдесят два года, когда Эллсуорт впервые попытался подвести итоги собственной жизни и неожиданно почувствовал себя одиноко. Именно тогда он и присмотрел тридцативосьмилетнюю преподавательницу музыки по имени Сара Бет Самуэльсон, которая пришла в банк, чтобы открыть текущий счет. Стояло лето, на Саре была модная мягкая шляпка с широкими полями, в руках она держала зонтик от солнца и то и дело промокала выступившие на верхней губе бисеринки пота вышитым платком. Эллсуорт влюбился в нее с первого взгляда.

Три месяца спустя они поженились и отправились в свадебное путешествие на «Серебряном метеоре». Сойдя на центральном вокзале, они прогулялись по Манхэттену и полюбовались на небоскребы. Их обратный путь пролегал через горы Кэтскил, озера Фингер-Лейкс, Адирондакский хребет и Новую Англию. Оттуда они вернулись в Суту, где Эллсуорт выстроил для жены дом в плантаторском стиле – с жестяной крышей, с верандой вокруг всего первого этажа и с подъездной дорожкой, вдоль которой он посадил пятьдесят четыре саженца pekanovых орехов – по одному за каждый год собственной жизни. Через год Сара родила первенца, которого назвали Сайлас Джексон или просто Джек. Эллсуорт ужасно гордился сыном. Ему даже казалось, что большего счастья он уже никогда не испытает, но он ошибся. Еще год спустя Сара Бет родила второго сына Уильяма Уокера – Уилли или Лайама, и счастье его удвоилось. Увы, это оказался ее последний дар супругу – буквально через неделю после родов Сара скоротечно скончалась от сердечного приступа. После похорон Эллсуорт сел в гостиной своего дома, посадил одного сына на одно колено, а другого – на другое. В этот день годовалый Джек впервые увидел брата.

Не исключено, что именно в этот момент и начались все проблемы семьи Макфарленд.

Сам Эллсуорт отдавал сыновьям всю душу. Он купил каждому пони, каждую неделю возил малышей в Суту, заказал маленькие столики, которые стояли в банке по сторонам его большого директорского стола, и даже повесил на дверь кабинета табличку с их именами! В те времена эти трое никогда не разлучались и со стороны выглядели по-настоящему крепкой семьей, но уже тогда Джек и Лайам были совершенно разными. Оба росли сильными и здоровыми, однако это было, пожалуй, единственное, что их объединяло. Джек отличался живостью ума, он ловко управлялся с цифрами и к тому же неизменно стремился высказать свое мнение как можно громче. При этом он частенько говорил что думал, не давая себе труда придать своим мыслям более обтекаемую форму или вовсе промолчать. С самого детства Джек считал размер капитала единственным, что определяет статус человека в обществе, а поскольку его отец был одним из самых богатых людей штата, все, кто не располагал столь же внушительными средствами, казались мальчишке, едва вступившему в подростковый возраст, неудачниками и тупицами.

В отличие от него, Уильям рос спокойным, уравновешенным, немногословным и всегда старался отдавать больше, чем получал.

Глава 5

Я слишком устал, чтобы ехать домой, поэтому заночевал на полу в своей старой комнате под крышей амбара. Еще до рассвета меня разбудил скрежет колес дядиного прицепа по гравии – звук, который был мне прекрасно знаком. Я слышал его, наверное, несколько тысяч раз. Вчера дядя весь день провел со мной, и теперь ему нужно было возвращаться к работе, чтобы наверстать упущенное. Большинство его клиентов жили в огороженных поселках от Поуни-Айленда до Джексонвилла и вкладывали в содержание и разведение лошадей такие суммы, какие мне не могли даже присниться. Конечно, ковать лошадей нужно было далеко не каждый день, однако с началом выставочного сезона все менялось, и состоятельные коневладельцы впадали в настоящую истерику, если дядя вдруг не мог приехать и «переобуть» их любимых лошадок. Каждый выставочный конь стоил по четверть миллиона и больше, поэтому хозяева были твердо убеждены: если их любимцу требуются новые подковы, значит, дядя просто обязан выполнить свою работу по первому требованию, а все остальное не имеет значения.

Лежа на твердом полу, на который я настелил поверх ковра пару одеял, я прислушивался, как удаляются хруст гравия и негромкое урчание мотора. Когда они окончательно затихли вдаль, я попробовал снова уснуть, но от лежания на жестком полу у меня уже бока болели. (Возможно, начинал сказываться возраст, хотя в двадцать восемь я отнюдь не считал себя стариком.) Лежать спокойно я мог только на спине, но заснуть в таком положении мне никогда не удавалось. Вот если бы раздобыть еще одно одеяло, тогда я, быть может, попробовал бы как-нибудь уснуть!.. Увы, запасное одеяло я уступил Томми, которая, сладко посапывая, свернулась на единственной кровати. Некоторое время я наблюдал, как она спит. Должно быть, ей что-то снилось, потому что я отчетливо видел, как за сомкнутыми веками мечутся, ворочаются ее глаза. Одну руку она подложила под раскрасневшуюся щеку, другая лежала поверх одеяла на грациозно изогнутом бедре. Одна ее ступня торчала из-под одеяла, и на ногтях пламенел яркий лак.

Нам необходимо было поговорить. *Как минимум* поговорить, и я надеялся, что хотя бы против этого Томми возражать не станет.

Наконец я поднялся и, потирая ноющие бедра, спустился вниз. Там я привязал к багажнику «Викки» небольшой челнок и снова поднялся наверх, чтобы глотнуть апельсинового сока и одеться. Мне казалось, что холодильник я открыл совершенно бесшумно, но, обернувшись со стаканом в руке, я увидел, что Томми смотрит на меня.

– Отличные труселя, – заметила она, показывая на мои трусы.

– Угу, – отозвался я, натягивая первые попавшиеся под руку шорты. – В тюрьме всем такие дают.

– И что ты натворил на этот раз?

– Попался.

– Ты хотя бы был виновен?

Я кивнул.

– Но не так сильно, как кое-кто другой.

Она улыбнулась.

– Неужели я тебя так ничему и не научила?

– По-видимому, нет. – Я достал из холодильника пакет с соком и налил ей в чистый стакан.

Томми отрицательно покачала головой и села, подтянув колени к груди и завернувшись в одеяло. Упираясь в колени подбородком, она спросила:

– Ты все еще надеешься раскопать ту историю о старом хранилище?

Я сдержанно улыбнулся в ответ и надел свою бейсболку с эмблемой «Краснокожих».

Томми посмотрела в окно, потянулась.

– Ты не там ищешь.

– Я в этом не уверен.

Она слезла с кровати и, продолжая кутаться в одеяло, подошла к столику и выпила сок, который я приготовил для нее. Налив себе еще, она взяла со стола сумочку, достала три упаковки с какими-то лекарствами и, вылушив из каждой по таблетке, проглотила их одним махом. Очистив банан, Томми не торопясь ела и смотрела на стоящую под окном «Викки» с притороченным к багажнику челноком. Наконец она улыбнулась, кивнула и повернулась ко мне.

– Я только быстренько приму душ, ладно?

– Я подожду тебя внизу.

Я все еще бродил по нижнему этажу амбара, разглядывая развешанные по стенам инструменты, когда из дома вышла тетя Лорна. Она приготовила кофе и несла мне. Протягивая мне кружку, тетя Лорна подняла голову и прислушалась к шуму воды в душевой кабине наверху.

– Будь с ней помягче, Чейз, ладно?

Держа кружку обеими руками, я подул на исходящий паром кофе.

– Хорошо.

Тетя вытерла руки о фартук и посмотрела сквозь распахнутые ворота на подъездную дорожку, на которой отчетливо виднелись следы дядиногo прицепа.

– Ему пришлось съездить за ней, – сказала она.

– Как это? – не понял я.

– На прошлой неделе, как раз в тот день, когда тебя отправили в тюрьму, Лайаму кто-то позвонил. Через два часа он уже вылетел в Калифорнию, а когда вернулся, она была с ним.

– Дядя летал в Лос-Анджелес? – удивленно переспросил я.

Она кивнула.

Я машинально посмотрел в тот угол, где сливная труба душа спускалась по стене и уходила под пол. По трубе с шумом неслась мыльная вода.

– Не забудь, о чем я тебя просила, – сказала тетя, направляясь к выходу. – Не важно, что там она была почти звездой экрана и все такое прочее. За девять лет ничего не изменилось, и *здесь* она по-прежнему маленькая девочка... – Уже на ступеньках заднего крыльца тетя Лорна вновь обернулась. – Да, совсем забыла... Тебе только что звонил Ред. Он просил перезвонить ему во второй половине дня.

Вода наверху перестала течь, и я услышал, как скрипнула дверца душевой. Я сел за руль, запустил двигатель и, надев любимые очки «Коста дель мар», стал ждать.

Томми убрала волосы назад, надела футболку, свободные шорты и шлепанцы. Точно так же мы одевались в детстве. Кроссовки и туфли мы почти не носили, а если и носили, то только такие, которые можно было надеть или снять, не наклоняясь и не завязывая шнурки.

Благодаря Элсуорту дорожная система в Суте была даже лучше, чем в иных городах, однако за прошедший год с небольшим грунтовое или бетонное покрытие большинства дорог серьезно повредили тяжелые грузовики, вывозившие лес. К счастью, в последнее время дождей было немного, поэтому луж и грязи почти не встречалось, зато было очень много мелкой пыли, которая облаком вилась за машиной, а потом долго не оседала. Как бы там ни было, я старался ехать не слишком быстро, и если бы не необходимость объезжать самые глубокие ямы, то мог бы вовсе отпустить руль, предоставив «Викки» возможность ехать самостоятельно: в Суте она бывала настолько часто, что вполне могла бы добраться туда сама.

Миновав пастбище, мы выехали к каналу. В свое время его постройка стала элсуортовским последним ударом – своеобразным *coup de grâce*²⁷, увенчавшим его победу над топями

²⁷ *Coup de grâce* означает «удар милости» – смертельный удар, наносимый поверженному противнику (или, наоборот,

Бычьего болота, той самой затычкой в ванне, которую он выдернул, чтобы окончательно осушить свои земли. Уровень воды в канале, разумеется, колебался с приливом и отливом, однако, имея ширину свыше тридцати футов и глубину футов десять, он был главной здешней транспортной артерией, делавшей Суту еще дороже.

Мы остановились на бетонном мосту через канал и стали смотреть на воду. Высунувшись из окна, Томми долго следила за течением, потом снова откинулась на спинку сиденья и покачала головой. Еще некоторое время она рассматривала высокие деревья и зияющие тоннели просек, проделанных лесорубами в сплошной стене великолепных сосен.

– Я вижу, Джек вывозит еще больше леса, чем раньше.

Настал мой черед качать головой. Смотреть на вырубленные участки мне было тяжело.

– Я не против того, чтобы рубить лес, но если ты ничего не сажаешь... Это все равно что брать и не отдавать.

Томми кивнула, но ее лицо осталось бесстрастным.

– Вполне в духе Джека.

Своего отца Томми стала называть Джеком еще в старшей школе. И тогда, и сейчас это резало мне слух, словно фальшивая нота в гармоничной симфонии.

– А как ваша с дядей апелляция?

– На днях Карман передал в суд очередной вариант. Мы настаиваем на статутном праве прохода по необходимости, но с точки зрения закона... – Я хмыкнул. – В общем, если бы нам грозил смертный приговор, судья вынес бы вердикт еще до полудня, и никакой губернатор не смягчил бы приговор.

– Все так плохо, да?

– Джек прекрасно подготовился.

– Дураком он никогда не был.

– Кстати, он знает, что ты вернулась?

Томми отрицательно качнула головой и снова надолго замолчала, задумавшись о чем-то своем. На берегу перебегали от одной илистой ямки к другой суетливые крабы, а у самой кромки воды сидел на задних лапах енот и полоскал в канале устричную раковину. Его передние лапки двигались с огромной скоростью, и раковина, которую он то и дело переворачивал, ярко сверкала на солнце.

– Если он пополощет эту несчастную устрицу еще минут десять, я съем ее сам, – сказал я наконец.

Томми рассмеялась и закинула ноги на приборную доску. Я отпустил тормоз, мы скатились с моста и, проехав мимо штабелей заготовленных бревен, свернули на остров Гибсона. Там я подъехал к причалу, спустил на воду челнок, и мы отплыли. Томми хотела грести, но я сказал, чтобы она села на носу и расслабилась. Мы немного поспорили, но я сумел настоять на своем. Томми пробралась на нос, я взялся за весло, и челнок заскользил по воде, огибая стволы огромных кипарисов.

– Интересно, когда он до них доберется? – задумчиво проговорила Томми, глядя вверх.

– Уже добрался, – сказал я.

Она удивленно повернулась ко мне.

– Джек начал вырубать Бычье болото?

Я кивнул.

– Где?

– На юге. Еще немного, и мы будем плавать в лодках над будущим полем для гольфа.

– Ты видел планы?

Я кивнул, провожая взглядом стайку уток, которые поднялись над каналом почти вертикально и, достигнув верхушек деревьев, стремительно понеслись прочь.

– На последнем заседании окружной комиссии по землеустройству, на котором я присутствовал, Джек демонстрировал планы, на которых было три поля для гольфа, два поселка с охраняемым въездом, летное поле, рассчитанное на частные «Гольфстримы», торговый центр и школа с полным циклом образования.

Томми рассмеялась и, упираясь руками в борта, откинулась назад, подставив лицо солнцу, пробивавшемуся сквозь листву. Наконец она тряхнула волосами и проговорила:

– Ему все мало... Когда же это закончится?!

Я не ответил. Мы подплыли к едва выступающим над водой мосткам, я привязал челнок и помог Томми выбраться на сушу. Там она взяла меня под руку, и мы побрели по усыпанному сосновыми иглами песчаному берегу к лесу. Там мы свернули на старую тропу – подзаросшую, но вполне проходимую. Молодые бамбуковые побеги, достававшие нам до бедер, слегка покачивались, словно тоже были рады возвращению Томми.

Через четверть часа мы были на месте.

Святылище представляло собой расположенный в самом сердце Суты островок нетронутого, девственного леса площадью около двухсот пятидесяти акров. Вокруг простиралось озеро, которое местные жители продолжали по старинке именовать Бычьим болотом. На картах это место называлось Холм Дюбиньона – в честь того парня, который продал остров Джекилу «Клубу имен». Добраться сюда можно было только по воде. Холм сплошь порос высокими строевыми соснами и раскидистыми виргинскими дубами, ветки которых растут очень низко и почти параллельно земле, придавая дереву сходство с гигантским осьминогом. Самые большие нижние сучья бывают толщиной с бедро взрослого мужчины; порой они изгибаются вниз, а упершись в землю, снова начинают расти вверх. Кое-где между дубами виднелись кудрявые пальмы и заросли бамбука, который вырастал здесь всего на два-три фута, поскольку его нежными верхушками постоянно лакомились олени.

На дальнем от нас краю холма-острова, где вдоль песчаной гряды бежал глубокий ручей, росли посаженные в правильном порядке деревья, которые при взгляде с высоты птичьего полета напоминали огромный католический собор. Семьдесят лет назад эти деревья посадил сам Элсуорт. Во время Первой мировой он и его рота целый месяц оборонялись в таком соборе. Немцы блокировали их внутри, но так и не смогли прорваться ни в собор, ни в его подвалы, поэтому, купив Суту, Элсуорт в течение нескольких лет высаживал здесь деревья, стараясь по возможности воспроизвести размеры и архитектуру европейского чуда. Стены собора имитировали пальмы, высаженные в два параллельных ряда на расстоянии шести футов одна от другой. Расстояние между рядами равнялось тремстам футам. Сейчас пальмы вымахали футов на пятьдесят каждая, и их стволы действительно напоминали стройные колонны, которые в соборах поддерживают свод в конце каждого ряда скамей. Над пальмами, точно крыша, нависала плотная листва шестнадцати черных дубов, посаженных по восемь штук с каждой стороны. В отличие от своих раскидистых и не слишком высоких виргинских сородичей, эти дубы достигают высоты шестидесяти-семидесяти футов. Ветки у них растут только на самой вершине прямого, стройного ствола, что делает эти деревья отдаленно похожими на атомные грибы.

Передняя стена зеленого собора состояла из двенадцати японских магнолий и двенадцати елей Дрейка. Притвор был образован дюжиной апельсиновых деревьев, восемью лимонами и двумя кустами фортуеллы, обозначающими входную дверь. Задняя стена, отстоявшая от передней на добрые четыре сотни футов, была обозначена десятком кипарисов, листва которых расширяется внизу, как юбки у делающей книксен женщины Викторианской эпохи. Амвон, с которого священники читают молитвы, символизировала гигантская магнолия, чьи

массивные ветви протянулись сейчас далеко за «окна» собора, местами нависая над водой, окружающей остров.

Дядя часто рассказывал мне, что начал ходить сюда с отцом, когда был еще мальчишкой. И даже после того, как Элсуорт умер, дядя продолжал бывать здесь достаточно регулярно. Судя по тому, что пальмы были аккуратно подстрижены, а под деревьями не видно было ни палой листвы, ни веток, он побывал в Святилище сравнительно недавно.

Томми огляделась.

– Не понимаю, почему Джеку здесь не нравится!

Ее отец никогда не интересовался Сутой. Точнее, его интересовало лишь то, что она могла дать лично ему, и мы оба это знали.

Я улыбнулся.

– Хорошо, что дяде удалось оставить это место за собой. На данный момент это единственное, что мешает твоему отцу развернуться по-настоящему.

– Что ты имеешь в виду?

– Святилище расположено в самом центре первоклассного строительного участка площадью двадцать шесть тысяч акров, – пояснил я. – И для Джека это все равно что чирей на известном месте. Дядя отказывается продавать землю, поэтому по закону твой отец обязан обеспечить ему доступ к его собственности. Именно это ему и мешает.

– Забавно.

– Что именно?

– Что Джеку очень хочется заполучить то, что никогда не было ему нужно.

– Ну и поделом ему.

Некоторое время назад дядя устроил в самом центре «собора» что-то вроде места для пикников. Два соприкасающихся концами бревна, уложенных в форме буквы Г, служили скамьями, между ними чернело обложенное камнями место для костра. Когда мы приехали, время близилось к полудню, поэтому я развел небольшой огонь, сварил кофе, испек несколько яиц и даже умудрился не сжечь несколько кусков хлеба, которые я подогревал, насадив на палочку.

Взяв у меня из рук кружку с кофе по-ковбойски, Томми слегка наклонилась и заглянула внутрь.

– Когда-нибудь ты станешь кому-то отличным мужем, – сказала она. – Я как раз мечтала о кофе.

– Это и называется «путешествовать с комфортом», – отшутился я.

Томми отпила глоток, потом стала чистить яйцо на бумажную тарелку.

– У тебя есть девушка? – неожиданно спросила она.

– Время от времени я встречаюсь с двумя или тремя.

Томми слегка приподняла бровь.

– Ну, увлечения у тебя были всегда. Я тебя не об этом спрашиваю.

– Откровенно говоря, в последнее время я слишком занят.

– Гм-м... – Она мне не поверила, я понял это по ее улыбке. Не переставая улыбаться, Томми посмотрела на часы, потом достала из кармана серебристую коробочку и приняла еще одну таблетку.

Я намазал кусок хлеба джемом и протянул ей. Томми сначала слизнула джем, стекавший с одного края, и только потом откусила большой кусок.

– Я там был, – сказал я, показывая на ее футболку, точнее – на надпись «Я люблю Лос-Анджелес». – Правда, только один раз.

– Вот как? А где именно?

– В Студио-Сити.

– А когда?

– Года три назад.

Она что-то быстро прикинула в уме.

– Почему же ты мне не позвонил?

– Я звонил.

– Странно. Моя соседка по квартире ничего мне не сказала.

– Я разговаривал не с твоей соседкой.

– А с кем же?

– С тобой. Какой-то парень взял трубку и поднес ее к твоему уху. Ты пробормотала несколько слов, которые я не сумел разобрать, и дала отбой.

Томми кивнула и снова уставилась в кружку с остатками кофе.

– Я не помню. Возможно, мне тогда нездоровилось...

– Из-за этого ты пьешь все эти таблетки? Из-за своего «нездоровья»? – задал я вопрос, который уже давно вертелся у меня на языке.

Томми пожала плечами. По-видимому, правда давалась ей нелегко.

– Сначала ты колешь не те наркотики и спишь не с теми людьми, а потом – вот это... –

Она похлопала себя по карману, где лежала серебристая коробочка. – Это становится частью твоей жизни.

– Не хочешь рассказать поподробнее?

– Ты за этим меня сюда привез? Поговорить?

– Вроде того.

Она улыбнулась и попыталась разрядить обстановку:

– Давненько я не была с парнем, который хочет просто поговорить.

Томми легла на бревно, так что ноги оказались по обеим сторонам ствола, и продолжала, обращаясь к облакам в небе:

– Я сыграла несколько проходных ролей в кино, пару раз снялась в рекламе, пару раз появилась в мыльных операх для домохозяек... Ну а потом мне подвернулась эта... возможность. Тогда мне казалось, большого вреда от этого не будет. Мне казалось, что это просто черный ход, через который можно попасть в большое кино. Только потом я поняла, что на самом деле это была дорога в никуда.

Я затоптал почти прогоревший костер.

– Однажды вечером, года три назад, я ужинал в ресторане Пита... ну, в том, который на берегу, ты знаешь. Туда зашел один парень с приятелями – я его помню, он учился с нами в одной школе, только имя его забыл. Они сидели совсем рядом, за соседним столиком. Сначала они над чем-то смеялись, потом этот парень достал из сумки DVD-диск, вставил в ноутбук и развернул его так, чтобы его друзьям было видно экран. И чтобы мне было видно тоже... Сначала пошли титры, и я заметил твое имя, а потом на экране появился песчаный тропический пляж, по которому шел какой-то мужик в костюме Адама. Я знал, что будет дальше, но мне не хотелось этого видеть, не хотелось даже думать об этом, поэтому я просто оставил на столе деньги и ушел.

Томми сбросила шлепанцы и зарылась пальцами ног в рыхлую землю под бревнами.

– Дядя Уилли говорил тебе, что собирается ехать за мной?

Я покачал головой:

– Нет. Я узнал только сегодня утром – тетя Лорна сказала.

Томми села.

– Я должна кое-что тебе сказать.

Мне не хотелось слышать то, что она собиралась мне сообщить, поэтому я снова покачал головой.

– Мне вовсе не обязательно знать подробности.

– Позволь уж мне решать. И потом, я тебя знаю – ты ведь неплохой человек, так что...

– Иногда я могу и солгать.

– Это мне тоже известно. – Она встала и, подойдя ко мне, села рядом и, прижавшись, положила голову мне на плечо. – Я читала в Интернете все твои статьи... и это были хорошие статьи. Просто удивительно, как тебе до сих пор не предложили перейти в газету посolidнее.

– Мне предлагали.

Она кивнула.

– Дядя Уилли говорил мне в самолете. Он сказал – ты никуда не перейдешь, пока не доведешь дело до конца... пока не скажешь свое последнее слово.

Я кивнул. От потушенного костра поднялась тонкая струйка дыма и попала мне в глаз. Я моргнул.

– Ты по-прежнему не можешь успокоиться?

Я покачал головой:

– Нет.

– Не можешь или не хочешь? – настаивала она.

– Я должен. Хотя бы ради дяди Уилли.

Томми снова склонила голову мне на плечо и закрыла глаза.

– Ну а если то, что ты так хочешь узнать, тебе не понравится?

– По крайней мере, я буду знать правду.

– Иногда правда может убить.

После этого мы долго молчали, наконец я спросил:

– Так что ты хотела мне сказать?

– Это может подождать, – ответила Томми, не открывая глаз. Завозившись на бревне, она положила голову мне на колени, а я обнял ее за плечи, снял резинку, удерживавшую «конский хвост», и провел рукой по ее чуть влажным после душа волосам.

Вы когда-нибудь видели в цирке, как несколько безумцев носятся на мотоциклах внутри стального решетчатого шара? Обычно их бывает не меньше восьми, и каждую секунду они могут убить или покалечить друг друга.

Примерно то же самое творилось сейчас и у меня в голове.

Томми неожиданно села.

– Мне нужно кое-что сделать, – промолвила она и взяла меня за руку. – Поможешь?

– *Нужно?*

– Очень. И я *хочу* это сделать. – Свободной рукой она провела по костяшкам моих пальцев. Здесь, среди деревьев, ее глаза снова стали похожи на изумруды, и в их глубине, под туманом прошлого, сиял огонек, который напомнил мне прежнюю Томми.

– Ты поэтому вернулась?

Прошла, наверное, целая минута, прежде чем она ответила:

– В том числе...

Глава 6

Дядя стал кузнецом не по своей воле. Когда после тюрьмы он вернулся домой с Лорной, выбор у него был очень и очень ограниченным. Для большинства жителей Брансуика дядя по-прежнему был персоной нон-грата, поэтому он выбрал занятие, которое позволяло ему не только зарабатывать на жизнь, но и проводить как можно больше времени за пределами округа Глинн.

Тиллман Эллсуорт Макфарленд всегда подковывал своих лошадей сам. Это была нелегкая работа, но она научила его угадывать характер и особенности каждой. Дядя говорил, что помнит, как его отец зажимал ногу лошади между коленями и принимался расчищать стрелку или удалять гвозди. Прежде чем надеть на копыто новую подкову, Эллсуорт непременно подносил старую подкову к свету и внимательно рассматривал, пытаясь определить, была ли она удобной и в каких местах металл больше всего стерся. «Лошади умеют говорить, – любил повторять он. – И состояние старых подков – это громкий крик, который не услышит только слепой».

Дядя запомнил эти слова и, как мне кажется, довольно скоро научился «читать» не одних только лошадей.

Примерно в то же время, когда я это понял, меня заинтересовал контраст между дядей и его старшим братом Джеком. Помню, была середина лета. Стояла адская жара, и в миле над нашими головами описывали неспешные круги пять или шесть канюков, ловивших широкими крыльями потоки нагретого воздуха. Мы с Томми качались на качелях, которые были сделаны из подвешенной на веревках старой крыши, а наши щеки были липкими от дынного сока. Стараясь раскачаться сильнее, мы тем не менее внимательно следили за тем, не подбирается ли к нам любимый дядин индюк Боб – существо абсолютно сумасшедшее и агрессивное.

Сам дядя только что приехал, расцеловал Лорну и нас (как и всегда после полного рабочего дня от него приятно пахло лошадьми, землей и честным трудовым потом) и как раз укладывал в прицеп инструменты, готовясь к завтрашней поездке на какую-то отдаленную ферму, когда на подъездной дорожке рядом с «Салли» припарковался дядя Джек. В те времена он разъезжал на новеньком темно-синем «Кадиллак-Эскалейд», носил шелковый костюм в тонкую полоску, брюки с отворотами, итальянские кожаные туфли и галстук от Армани. Манжеты его французской сорочки скрепляли золотые запонки. Два брата, городской герой и городской изгой – они были похожи друг на друга меньше, чем день и ночь.

Дядя жил на то, что удавалось заработать, и этого едва хватало нам на жизнь. В городе его считали мотом и транжирой – вроде библейского блудного сына, который так и не вернулся домой и к тому же ухитрился ограбить и собственную семью, и добрую половину жителей Брансуика в придачу. Правда, в конце концов дядя все-таки отправился в тюрьму, но неожиданное помилование, подписанное губернатором, почти не изменило отношения к нему большинства людей. Пока он оставался за решеткой, его уволили из банка и лесозаготовительной компании, лишили должности помощника церковного старосты, исключили из «Ротари»²⁸ и из загородного клуба. О том, чтобы вернуть ему после помилования хотя бы часть прежних привилегий, никто даже не задумался – в глазах земляков дядя все равно оставался вором.

Что касалось дяди Джека, то его социальный статус не претерпел никаких изменений. Как и прежде, он оставался уважаемым членом общества – президентом банка, директором лесозаготовительной компании «Сута форестс», старостой своего прихода и одним из членов-осно-

²⁸ Клуб «Ротари» – отделение организации «Ротари интернэшнл». Ежегодно через такие клубы осуществляются до 30 тысяч общественно-полезных проектов.

вателей окружного клуба «Ротари». И, разумеется, он был очень и очень состоятельным человеком.

К нам он приехал за Томми.

Томми постучала в нашу кухонную дверь позапрошлой ночью – часов в двенадцать или даже позже. Ей пришлось бежать в темноте через всю Суту, что для восьмилетней девочки было почти непосильным испытанием. Помню, как я наливал для нее горячую ванну и удивлялся. Пешком через всю Суту? Что может быть страшнее, чем пять миль темноты, молний и дождя?!

Что случилось, я тогда не знал, но по лицу Томми было видно, что ей досталось. Ее волосы намокли и липли к лицу, на щеке алела царапина, ноги были по колено испачканы жидкой глиной, длинное фланелевое платье тоже было в грязи и разорвано, словно по пути она несколько раз падала. Несмотря на столь плачевный вид, расспрашивать ее никто не стал. Тетя Лорна выкупала Томми и накормила супом, а дядя уложил ее в мою постель. Мне он постелил на полу – на старом соломенном тюфяке, от которого пахло мышами. В ту ночь я почти не спал, все смотрел, как она вздрагивает, слушал, как она бормочет и вскрикивает во сне.

А утром к нам приехала полиция. Полицейские усадили Томми на веранде и начали задавать ей разные вопросы, много вопросов, но она ничего не отвечала – только смотрела на меня и молчала.

В тот же день утренняя газета опубликовала на первой полосе фотографию Питера – старшего брата Томми. Оказывается, он погиб в ту же ночь, когда она прибежала к нам. Наиболее вероятной причиной смерти газета называла несчастный случай в результате неосторожного обращения с оружием. Пуля попала ему в голову. В статье говорилось, что врачам пришлось накачать дядю Джека лекарствами, чтобы хоть немного успокоить. Все его коллеги и сотрудники банка в один голос утверждали, что горе Джека Макфарленда выглядело неподдельным и очень глубоким. «Безутешный отец» – это словосочетание повторялось в статье раза три или больше.

Ближе к вечеру Томми попросила позволения остаться у нас, и дядя очень быстро скотил двухъярусную кровать. Он поставил ее в моей комнате, и в течение нескольких последующих лет Томми частенько спала на нижнем матрасе: случаи, когда ей приходилось ночевать в доме отца, можно было пересчитать по пальцам. До сих пор не знаю, усугубило ли это существовавшую между дядей и дядей Джеком напряженность или просто сделало ее более явной? Как бы там ни было, каждый раз, когда оба брата оказывались в одной и той же комнате, между ними разве что молнии не проскакивали. Наверное, Уилли и Джек Макфарленды предпочли бы и вовсе забыть о существовании друг друга – и забыть как можно скорее, однако то обстоятельство, что Томми проводила в нашем доме намного больше времени, чем в своем, вынудило их заключить временное перемирие. Или, по крайней мере, сделать вид, будто они его заключили.

Что касалось отношений дяди Джека и Томми, то кому-то могло даже показаться, будто отец просто идет навстречу желанию единственной дочери, которая не смогла жить в доме, где произошла столь страшная трагедия. На самом деле все было не так. Насколько я знаю, дядя Джек просто не мог удержать ее в четырех стенах, хотя и практически превратил свой особняк в тюрьму строгого режима. Несмотря ни на что, Томми все равно ускользала и возвращалась к нам: по какой-то причине она и дядя Джек были теперь как вода и масло, которые не смешиваются ни при каких обстоятельствах. Нет, они не враждовали в открытую, но держались друг с другом как чужие, что, учитывая мои собственные обстоятельства, не могло не казаться мне странным. В конце концов, думал я, после гибели брата Томми осталась единственным ребенком Джека Макфарленда, и теперь он был просто *обязан* любить свою дочь. Но, насколько я помню, он даже никогда особенно не ругался и не шумел, когда она в очередной раз сбежала к нам, хотя других детей у него не было – после того как дядя Джек развелся с матерью Томми

и Питера, он женился еще четыре раза, но ему каким-то образом удалось избежать появления еще одного ребенка.

Впрочем, со временем мне стало казаться, будто я знаю, в чем дело. По мере того как все новые и новые женщины становились женами дяди Джека (прежние подавали на развод, но дело каждый раз обходилось тихо, без скандала), дочь мешала ему все больше, так что он, наверное, просто забывал высказать свое неудовольствие, когда Томми жила у нас буквально неделями. Так ему было гораздо проще – например, не нужно было объяснять очередной претендентке, откуда взялась в доме маленькая девочка.

Я не знаю, бил ли дядя Джек Томми или нет. Сам я ни разу не видел никаких следов того, что называется нынче «жестоким обращением с ребенком». Да, он был очень сложным и скрытным человеком, но жестокость никогда не была ему свойственна. Тем не менее я очень внимательно следил, не появятся ли на коже Томми синяки или ссадины. И дядя тоже следил. Уверен, при первых же признаках того, что дядя Джек ударил дочь, непрочному миру между братьями немедленно настал бы конец.

Томми была очень приятной – спокойной, немного курносой и слегка провинциальной девчушкой. Ее мелодичный, ласковый голос мог бы растопить масло и заставить тяжелобольного позабыть о своих хворях. В школе Томми получала исключительно отличные отметки, не особенно при этом стараясь. Точно так же, без особых усилий, она стала лучшим в штате питчером детской софтбольной команды. Три года подряд Томми играла заглавные роли в школьных театральных постановках, а в старшей школе ее выбрали королевой ежегодного бала выпускников. И хотя ее внутренний мир, ее мысли и переживания во многом оставались для меня загадкой, не любить ее было просто невозможно – с Томми связаны все мои самые светлые детские воспоминания. Что касается дяди Уилли, то он и вовсе души в ней не чаял. Порой мне даже кажется, что Томми была его дочерью в куда большей степени, чем дочерью своего отца.

Мы с Томми учились уже в старшей школе, когда до нас как-то вдруг дошло, что на самом деле я – приемный ребенок, живущий в доме ее дяди, и, следовательно, никакие мы не родственники. Вскоре я перебрался в комнату над амбаром (дядя помог мне привести ее в порядок), после чего мы уже никогда не чувствовали себя братом и сестрой. Нет, мы не начали испытывать друг к другу никакого иного влечения, кроме дружеского, и все же что-то в наших головах слегка сдвинулось, после чего мы стали думать друг о друге немного иначе, чем раньше. А когда это произошло, появилась и определенная дистанция – невидимая, но такая же ощутимо реальная, как дядина наковальня.

Правда, на выпускной вечер Томми по какой-то причине пригласила именно меня, хотя недостатка в кавалерах она никогда не испытывала. И я согласился. Все равно девушка, с которой собирался пойти я, предпочла другого, так почему бы и нет?..

Именно на выпускном я неожиданно осознал, что Томми очень красива и что она привлекает внимание. Взгляды других парней блуждали по ее фигуре, как по бульвару, и, хотя Томми это явно нравилось – в какой-то степени она даже наслаждалась тем, что может заставить одноклассников на время забыть о своих подружках, – все же пригласила она меня не напрасно. К счастью, я не был задирой, и все же выпускной вечер окончательно убедил меня: мужской взгляд способен ранить так же сильно, как кулаки.

В нужный момент мы поднялись на сцену за аттестатами, протанцевали пару танцев и незаметно ускользнули, хотя веселье было в самом разгаре. Я привез нас на пляж, и, хотя я все еще был в смокинге, а Томми – в бальном платье, мы до утра бродили по песку и с аппетитом уплетали гамбургеры, целый пакет которых купили по дороге.

Глава 7

Я припарковал «Викки» на обычном месте, забрался в челнок и спустя двадцать семь взмахов веслами был уже на борту моей яхты. Привязав покрепче челнок, я выгрузил из него пакет с продуктами, а потом немного постоял возле мачты, любуясь окрестностями: в четыре пополудни болота уже начинали терять свою тускло-золотистую окраску, приобретая цвет светлого янтаря. Это было просто сказочно красиво, и я старался не пропускать подобного зрелища.

Одной из особенностей жизни на яхте, пришвартованной не у причала, с которого к ней можно протянуть электрические и телефонные провода, а вдали от благ цивилизации, является необходимость тщательно обдумывать самые простые на первый взгляд вещи. Взять хотя бы вопрос о том, как добираться до берега и возвращаться обратно. Для перевозки продуктов, топлива для генератора и других тяжелых вещей я использую плоскодонный челнок. Он прочен, устойчив и довольно вместителен, благодаря чему можно сэкономить время на лишние рейсах. Для поездок налегке я беру байдарку. Она легкая, быстрая и прекрасно маневрирует в сильном течении, которое возникает здесь каждый раз во время прилива и отлива. Для готовки и для подогрева воды, которую я использую для душа и мытья посуды, на борту имеется два газовых баллона, которых хватает надолго. Электрогенератор обеспечивает меня светом и электричеством для работы на компьютере и зарядки батарей мобильного телефона. От него же питается моя любимая кофемашина.

Оторвавшись от мачты, я запустил генератор, поставил заряжаться телефон, потом проверил электронную почту и заглянул в Сеть в поисках новостей. Да, на яхте я веду довольно простую жизнь, но Ред терпеть не может, когда я оказываюсь недоступен, поэтому он, хоть и со скрипом, был вынужден купить мне высокоскоростной беспроводной модем.

Через полчаса поисков в Интернете я набрал его номер.

– Это я. Что новенького?

– Ты уже был у мальчика?

– Как раз собираюсь. Мне хотелось сначала поговорить с тобой.

– Что у тебя есть?

– Я звонил в департамент опеки штата. По их словам, признаки регулярного жестокого обращения, а также тот факт, что личности его родителей абсолютно неизвестны, являются достаточным основанием для подачи обращения о безотлагательном установлении над мальчиком государственной опеки. Это означает, что его отправят в приют или приемную семью, как только его выпишут из больницы. После этого мальчуган будет подопечным штата, который возьмет на себя всю полноту ответственности за его благополучие.

– Когда именно это произойдет?

– Со дня на день. Все зависит от того, как быстро мальчик поправится.

– Так... – Ред немного помолчал. – Что еще?

– Офис окружного прокурора поручил своим сотрудникам расследовать этот случай. Возможно, им удастся установить имя и фамилию мальчика, а также имена его родителей. В этом случае прокурор, скорее всего, будет настаивать на лишении их родительских прав.

– Это действительно возможно?

– Вполне возможно, но только при наличии достаточных оснований.

– Да какие еще основания им нужны?! – взорвался Ред. – Одного взгляда на спину этого мальчика за глаза хватит, чтобы вздернуть его родителей на ближайшем суку!

– Не будем загадывать. Я встречаюсь с ней в больнице через час, тогда и посмотрим.

– С кем – с ней?

– С женщиной из офиса прокурора, которая будет вести это дело.

– Ладно. Держи меня в курсе.

* * *

На третий этаж, где находилось педиатрическое отделение больницы, я снова поднялся на лифте. Перед дверьми палаты мальчика сидел все тот же охранник, только на этот раз он читал роман Луи Ламура. Увидев меня, охранник слегка отодвинулся от входа.

– Он там. Рисует.

Я вошел в палату и сел на круглый вращающийся табурет на колесиках. Насколько я знал, врачи, которые осматривают больных в приемном покое, частенько раскатывают на таких по всей комнате.

Мальчик действительно рисовал. Услышав, как открылась дверь, он прервался ровно настолько, чтобы поправить новенькие очки, сползшие ему на кончик носа. При этом мальчик слегка приподнял голову, но взглянул не на меня, а на мои ноги. В палате было довольно тепло, даже душно, но парнишка все равно был в дядиной синей бейсболке.

По дороге в больницу я решил, что должен как-то к нему обращаться. «Сопляк», «Малыш», «Парень», просто «Эй, ты!» – все это не годилось. Я твердо знал, что у каждого ребенка должно быть имя.

Подкатившись к нему поближе, но так, чтобы не испугать, я сказал:

– Привет. Я буду звать тебя Майки, хорошо?.. Это только временно, пока ты не решишь, как нам следует к тебе обращаться.

На несколько мгновений мальчишка замер. Уставившись в пол, он словно пробовал новое имя, примеряя к себе. В конце концов он, видимо, решил, что имя ему подходит. Глядя куда-то в дальний угол комнаты, он, не глядя, написал что-то в блокноте, потом показал его ко мне.

«Привет», – прочитал я.

Если бы мой почерк был хотя бы вполовину таким разборчивым, как у него, я бы, наверное, смог писать письма знакомым и друзьям.

– Бейсболка тебе идет, – продолжил я. – Тебе нравятся «Краснокожие»?

Не поднимая глаз, мальчик пожал плечами.

– Где ты научился так хорошо писать?

Его рука с карандашом снова задвигалась, причем на страницу блокнота он взглянул не сразу, а с опозданием в несколько секунд. Я с интересом смотрел, как на бумаге возникло что-то вроде больничной койки с лежащей на ней старой женщиной. Ее лицо было покрыто сетью морщин, из носа торчали кислородные трубки, а в руке она держала карандаш. Рядом с кроватью Майки нарисовал маленького мальчика, который пристально смотрел, как женщина выводит в блокноте буквы алфавита.

– Это ты? – я показал на фигурку ребенка.

Он кивнул, и я обратил внимание, что его мордашка немного округлилась, словно за прошедшие сутки мальчик набрал фунт или полтора.

– А это кто? – я показал на лежащую на кровати женщину.

«Миссис Мирлен».

Писал Майки почти так же быстро, как и рисовал, хотя пользовался не прописными, а мелкими печатными буквами.

– Она твоя родственница?

Прежде чем он успел ответить, в палату вошла симпатичная брюнетка примерно моего возраста, одетая в джинсы, рубашку-оксфорд навыпуск и белые «найки». И я, и Майки машинально повернулись в ее сторону, но если я смотрел на лицо, то мальчик разглядывал кроссовки.

– Чейз Уокер, – представился я, вставая и протягивая руку.

– Мэнди Паркер. – Она слегка приподняла подол рубашки, продемонстрировав прикрепленный к поясу джинсов жетон сотрудника окружной прокуратуры.

Я отступил в сторону, чтобы Мэнди могла лучше рассмотреть Майки. Шагнув вперед, она слегка наклонилась и, окинув быстрым взглядом его израненную спину и руки, мягко проговорила:

– Ну, здравствуй...

К этому времени Майки успел открыть очередную страницу блокнота и прилежно штриховал крылья красного кардинала, прицепившегося к кормушке. Бросив взгляд за окно, я действительно увидел на ближайшем дереве кормушку, но сейчас никаких птиц там не было.

Майки так и не поднял головы, но я видел, что он исподлюбя следит за нами обоими.

Мэнди выпрямилась и направилась к стоящему в углу свободному стулу.

– Рисуй-рисуй, я не хочу тебе мешать.

Я снова опустился на свой табурет и подкатился к мальчику как раз в тот момент, когда он сломал кончик карандаша. На тумбочке позади него лежала еще одна коробка карандашей и электроточилка. Засунув в нее сломанный карандаш, он некоторое время удерживал пальцем кнопку, включавшую мотор. Когда кончик грифеля снова стал острым, Майки начал прорисовывать область возле клюва и глаз кардинала.

Я показал на карандаши и точилку.

– Тебе это кто-то подарил?

Майки кивнул, но как-то нерешительно. Он словно боялся, что я собираюсь отнять у него это богатство.

– Похоже, кому-то ты очень нравишься.

Он слегка поднял голову – ровно настолько, что из-под ресниц сверкнули белки глаз. Судя по этому движению, Майки был уверен, что я знаю таинственного дарителя. В ответ я пожал плечами, и он, открыв чистую страницу, схематично набросал лицо дяди и его знаменитый «гас».

– Это дядя Уилли принес тебе карандаши? – удивился я.

Майки быстро кивнул.

– Когда это он успел?!

Мальчик нарисовал циферблат часов, потом изобразил стрелки. Часовая стрелка показывала на шесть, а минутная – на единицу.

– Ага!.. Значит, мне не показалось, что сегодня дядя уехал на работу раньше обычного, – заметил я, обращаясь не столько к Майки, сколько к самому себе.

Мальчуган неожиданно захлопнул блокнот и покосился на Мэнди Паркер.

– Не бойся ее. Она адвокат.

Блокнот снова открылся, и на чистой странице, как по волшебству, появился верх джинсов, между штрипками которого висел на ремне служебный значок.

Я несколько мгновений разглядывал рисунок, потом покачал головой.

– Ну и глаз у тебя! Завидую. Ты не упускаешь ни одной мелочи.

Он снова пожал плечами, а я заметил, что на проплешинах у него на затылке начали пробиваться волосы.

– Мисс Паркер – представитель власти. Она работает в офисе окружного прокурора.

Эти слова вызвали у мальчугана неожиданную реакцию. Он скрючился на стуле, прижал колени к груди и с такой силой стиснул блокнот, что побелели костяшки пальцев. Его поза была более чем красноречива, поэтому я поспешил добавить:

– Она на стороне хороших парней.

Но Майки только еще сильнее скрючился. Он мне не поверил, и Мэнди Паркер это поняла.

– Я сейчас вернусь, – сказала она и, поднявшись со стула, достала из заднего кармана джинсов DVD-диск. – Это один из моих любимых мультфильмов, – добавила она, положив диск на кровать. – Надеюсь, тебе он тоже понравится. – Мэнди повернулась ко мне. – Как насчет кофе?

Я кивнул.

– Тогда подождите меня пару минут. Сначала мне нужно сделать один звонок...

Она вышла в коридор, на ходу доставая телефон, а я взглянул на обложку диска. Это была диснеевская «Книга джунглей».

– Ты смотрел этот мультик? – спросил я, показывая ему диск.

Майки покачал головой.

– Хочешь посмотреть?

Он чуть заметно вздрогнул, словно почувствовал ловушку, но я уже вставил диск в проигрыватель под телевизором и нажал «пуск».

Как только на экране появилась картинка, Майки в панике метнулся под кровать и заполз под нее как можно дальше. Охранник, привлеченный шумом, ворвался в палату, впопыхах опрокинув стул, – и остановился в недоумении, не увидев мальчишку в комнате. Я, признаться, тоже растерялся и испугался – уж больно неожиданной и бурной была реакция ребенка. Впрочем, через мгновение я все же взял себя в руки и, знаком показав охраннику, что все в порядке, опустился на колени и заглянул под кровать. Майки лежал там в самом дальнем углу, скорчившись в позе зародыша и закрыв руками голову.

– Он уже делал так вчера вечером, – шепотом сообщил охранник, подходя ближе. – В холле кто-то врубил телик, а он спрятался под кровать и два часа не хотел вылезать.

Подняв голову, я увидел, что Мэнди стоит в коридоре напротив дверей палаты и внимательно наблюдает за происходящим.

Мне хотелось что-то предпринять, поэтому я подполз к изголовью кровати, чтобы Майки слышал меня как можно лучше.

– Извини, ладно? – мягко проговорил я. – Я не подумал. Конечно, сначала мне следовало спросить твоего разрешения. Ты можешь не смотреть, если не хочешь... – Я выключил телевизор и положил пульт на пол, так чтобы мальчуган мог до него дотянуться. – Вот, возьми. Теперь ты сам будешь включать и выключать телик, о'кей?..

Он посмотрел на меня. Точнее, я увидел, как в узкой щели между плотно сдвинутыми ладонями сверкнул глаз.

– Прости. Я не хотел тебя напугать, – повторил я, отползая от кровати.

Охранник немного посторонился, позволяя мне встать.

– Дайте ему немного времени, – прогудел он. – Он славный парнишка, нужно только дать ему время. Я уверен, что с ним все будет в порядке.

Его слова, хотя и сказанные от чистого сердца, были мне слабым утешением. Я понимал: если за прошедшие два дня мне и удалось добиться в отношениях с Майки хоть какого-то прогресса, то теперь мы снова вернулись к самому началу.

– Ладно, схожу выпью кофе и вернусь, – сказал я и, машинально отряхивая джинсы, шагнул в коридор, где меня ждала Мэнди Паркер.

Пока мы спускались на лифте на первый этаж, где находилось кафе для посетителей, я сказал:

– В колледже нас к такому не готовили...

Я думал, Мэнди промолчит, но она сказала, глядя на табло, где сменяли друг друга номера этажей:

– У детей, которые на протяжении какого-то времени регулярно становились объектами насилия со стороны взрослых, почти всегда есть одна или несколько «кнопок», включающих произвольные рецидивирующие воспоминания о пережитом. Что может спровоцировать

возвращение к кошмару – предсказать невозможно. Узнать это можно, только когда случайно нажмешь одну из таких «кнопок».

Внизу мы взяли кофе и сухое печенье и устроились на открытой веранде кафе. Солнце клонилось к горизонту, и на нас волнами накатывал солоноватый запах болот.

– Вы здешний? – спросила Мэнди и улыбнулась – должно быть, заметила, как я стараюсь дышать полной грудью.

– Прожил в этих местах всю жизнь, – ответил я, поскольку относительно места моего рождения у меня уверенности не было. – То есть почти всю жизнь... Я попал в приют совсем маленьким и мало что помню о том времени, когда у меня были мама и папа. Правда, мне почему-то кажется, будто я родился где-то здесь, на Юге, но на самом деле я могу быть и из Сиэтла, и с Аляски. А вы?

– Я из Флориды. – Она слегка нахмурилась и сменила тему: – Мне звонил ваш редактор. Он сказал, что поручил вам написать о мальчике статью.

Я кивнул.

– Все верно. Кстати, буду весьма признателен, если вы поделитесь со мной информацией, которую вам удалось выяснить по своим каналам.

– Сначала вы расскажите, что вам известно.

Я рассказал, какие умозаключения и догадки я сделал на основе моего небогатого опыта общения с мальчиком, его рисунков и моих бесед с доктором и охранником. Получилось не слишком много. Никто из нас не знал ни имени мальчика, ни откуда он родом, ни кем были его родители (за исключением, естественно, того, что оба были порядочными мерзавцами). Как он попал к железнодорожному переезду – тоже оставалось загадкой.

– Его память довольно однобокая, – закончил я. – Какие-то вещи он запоминает в мельчайших подробностях, а о каких-то вообще ничего не помнит.

Мэнди кивнула.

– Я работаю в офисе окружного прокурора уже пять лет. За это время мне пришлось иметь дело примерно с сотней детей. В самых тяжелых случаях картина была очень похожая. В психологии это называется выпадением памяти, которое, в свою очередь, является одним из симптомов ПТСР – посттравматического стрессового расстройства. Организм защищается от травмирующих воспоминаний, просто-напросто блокируя их.

– И как лечить таких детей?

– Это дело непростое. – Она вздохнула. – И долгое.

– Ладно, скажите лучше, удалось вам хоть что-то выяснить о прошлом этого мальчика?

– Нет. В наших базах данных хватает проблемных детей, которые подходят по возрасту и комплекции, но нет ни одного указания на столь высокий уровень... насилия. Нет также никаких сведений о детях, которые не могут говорить, хотя, если судить по тому, как этот малыш управляется с карандашом и бумагой, молчит он уже довольно давно.

– И о чем все это говорит?

– О том, что о его исчезновении никто не заявлял.

– То есть его родители либо мертвы, либо им все равно?

– Примерно так, да.

– Что же будет дальше?

– Того, что я видела, вполне достаточно, чтобы окружной прокурор потребовал немедленного установления над мальчиком государственной опеки и передачи его в приют. Я со своей стороны постараюсь ускорить судебное решение о лишении родителей мальчика родительских прав, но... – Она немного помолчала. – Власти Джорджии, как и власти любого другого штата, исходят из положения, что никто не может заботиться о ребенке так, как его родители, поэтому наша первоочередная задача – розыск и уведомление ближайших родственников с целью воссоединения семьи в ее первоначальном виде. Во всех случаях, включая и те, когда

речь идет о насилии над ребенком, закон основывается на том, что каждый человек способен исправиться. Я считаю этот подход совершенно правильным, однако из каждого правила есть исключения. – Она показала наверх, на окна палаты Майки. – Одно из таких исключений – наш Джон Доу²⁹ № 117.

– Джон Доу № 117? – переспросил я. – Значит, так вы зовете его в своем офисе?

Она покачала головой.

– Это имя дал ему компьютер, который занес мальчика в общенациональные базы данных и распечатал его личное дело. Мне это имя тоже не нравится, но такова система, а у меня есть дела поважнее, чем сражаться с ветряными мельницами.

Я улыбнулся. Мэнди Паркер мне нравилась – во всяком случае, она говорила на моем языке.

– И сколько времени займет весь процесс?

– В лучшем случае – месяц, хотя подобное случается редко. Розыск родителей и родственников – *юридическая* процедура, а значит, дело небыстрое. Для начала мы разместим в газетах официальные объявления о розыске, покажем фотографию мальчика по телевидению, свяжемся с военными властями на случай, если отец мальчика, который ни о чем не подозревает, проходит службу где-то в другом штате или за границей... ну и так далее. У нас разработана стандартная процедура, и мы будем следовать ей, пока не получим вполне конкретный результат. Он может быть как положительным, так и отрицательным, но в обоих случаях он должен быть подтвержден документами, с которыми можно будет выйти к судье, чтобы...

– А в худшем случае? – перебил я.

– В худшем случае поиски могут занять от года до двух. Это зависит от множества факторов, о которых я сейчас не буду говорить, – вы и сами должны знать, как работает наша бюрократия, да и проблема в данном случае не в этом. Вы поймите, Чейз: пока идут поиски, родители мальчика могут в любой день явиться в офис окружного прокурора и потребовать вернуть им ребенка. И нам *придется* его вернуть, если только они не лишены родительских прав в судебном порядке. Правда, в подобных случаях вступает в действие инструкция по охране детства, в которой четко прописано, на каких условиях ребенок может быть возвращен в семью. Действует эта инструкция в течение года-двух, причем каждые шесть месяцев инспектор социальной службы обязан проверять, как чувствует себя ребенок, но... – Она покачала головой, давая понять, что проверка раз в полгода – чистая формальность, но я знал это и сам, причем не понаслышке. Я, однако, не стал говорить об этом сейчас. Вместо этого я сказал:

– Ладно, предположим, родители так и не объявились. Что тогда?

– Тогда мы составляем так называемое «Письменное свидетельство о проведенном поиске», в котором перечисляем все предпринятые нами действия. На самом деле эта бумага необходима главным образом для того, чтобы прикрыть наши задницы и показать судье, что мы действительно сделали все возможное для розыска родителей ребенка. Если судья удовлетворится нашим свидетельством, департамент соцобеспечения присваивает ребенку номер карточки социального страхования и дает ему имя – или ребенок сам выбирает имя, которое он хотел бы носить, – после чего судья принимает решение о его передаче в систему патроната и усыновления. Начиная с этого момента ребенок официально и в полном объеме оказывается на попечении штата. Его родители больше не имеют на него никаких прав.

– То есть именно в этот момент любой желающий может заявить о своем намерении взять ребенка к себе?

Она кивнула.

²⁹ Джон Доу – условное имя, используемое в юридических документах для обозначения неизвестного или неустановленного мужчины.

– Но пока поиски родителей не закончены, ребенок должен находиться в приюте или интернате?

– Да, хотя в принципе судья может... В общем, если есть подходящая приемная семья, тогда судья может временно передать ребенка тем, кто выразит такое желание, но... Насколько я знаю, сейчас в округе Глинн найти приемную семью достаточно проблематично. Кроме того, далеко не каждый потенциальный усыновитель или опекун захочет связываться с ребенком, у которого за плечами несколько лет жестокости и издевательств, хотя...

Мэнди достала из сумочки папку-скоросшиватель и раскрыла ее на столе.

– Вы знаете этого человека?

Я усмехнулся.

– Это мистер Уильям Уокер Макфарленд, также известный как дядя Уилли.

Она кивнула.

– Сегодня утром он побывал у меня и подал заявление... Мистер Макфарленд предложил себя и свою жену Лорну в качестве временной приемной семьи для мальчика.

– Ну и что вас смущает?

Она покачала головой.

– Он прожил, гм-м... непростую жизнь.

– Можно сказать и так.

– Мистер Макфарленд часто рассказывает о том, чем он занимался до того, как попал в тюрьму?

– Почти никогда. И совсем не потому, что его об этом не спрашивают.

Она задумчиво переворачивала вставленные в папку бумажные листы.

– У меня такое чувство, будто этот человек, Уильям Макфарленд, прожил не одну, а две жизни. Очень разные жизни.

Я пожал плечами.

– Когда в течение полугода хоронишь отца, жену и сына, твоя прежняя жизнь обычно оказывается похоронена вместе с ними.

– Согласна. – Мэнди кивнула. – Как бы там ни было, мистеру и миссис Макфарленд придется пройти и обследование жилищных условий, и первичное собеседование в департаменте по вопросам семьи и детей.

– Однажды они уже проходили и собеседование, и все, что полагается в таких случаях.

– Власти штата очень хотят помочь этому мальчику как можно скорее вернуться к нормальной жизни, но... Нельзя не учитывать, что он и так пережил слишком много, поэтому к выбору приемной семьи следует подходить особенно тщательно департамент охраны детства очень не хочет ошибиться и поэтому проверяет и перепроверяет все, что только возможно.

– Ага, чтобы прикрыть свою задницу.

Мэнди наградила меня недовольным взглядом, но ничего не сказала.

– А если еще учесть, что ваша газета намерена поместить о мальчике большой материал, касающийся не только его прошлого, но и настоящего...

– Ну да. – Я кивнул. – В общем, все понятно.

– Короче говоря, заявление мистера Макфарленда пока находится на рассмотрении.

– И от чего зависит положительный результат?

Она улыбнулась.

– В том числе и от моей сегодняшней беседы с вами. – Она перевернула еще несколько страниц в папке. – Насколько я могу судить, у супругов Макфарленд есть кое-какой опыт. Вы жили у них ребенком и до сих пор питаете к ним самые теплые чувства.

Я кивнул. Отрицать очевидное я не собирался.

– Больше того, десять лет назад вам исполнилось восемнадцать, но у вас до сих пор есть своя комната в их доме. Точнее, не в доме, а на втором этаже принадлежащей мистеру Макфарленду хозяйственной постройки... Не расскажете, как это получилось?

Я от души рассмеялся.

– Я ее снимаю, причем совершенно бесплатно. Ну а если серьезно, то эта комната мне вовсе не принадлежит... во всяком случае, не в юридическом смысле. Я жил там в юности, а сейчас ночую там, когда мне лень ехать домой. Дядя и тетя мне разрешают.

Мэнди снова улыбнулась, но продолжала смотреть на меня вопросительно.

– Вы хорошо подготовились к этому разговору, – заметил я.

– Это было нетрудно. – Она пожала плечами. – При определенной сноровке в компьютерах соответствующих ведомств и даже просто в Интернете можно найти огромное количество информации о каждом из нас – больше, чем мы в состоянии представить, и гораздо больше, чем нам бы хотелось. Кроме того, существуют соседи... Если знаешь, как правильно поставить вопрос, человек на другом конце телефонной линии расскажет тебе все, что ты хочешь узнать. И даже больше.

– Что бы ни наболтали вам соседи, – твердо сказал я, – более подходящих приемных родителей, чем дядя Уилли и тетя Лорна, вы вряд ли найдете. – Я бросил в корзину пустой кофейный стаканчик, потом написал на салфетке свой номер телефона и протянул Мэнди. – Прошу прощения, но сейчас мне пора идти. Позвоните мне, если что-то прояснится, хорошо?

– Позвоню, если вы обещаете сделать то же самое.

Я протянул руку.

– Договорились.

Она кивнула и, спустившись с веранды, села в новый «Фольксваген-жук» с откидывающимся верхом. Насколько я знал, это была та самая модель, где на приборной панели было предусмотрено место для цветочной вазочки. Проводив отъехавшую машину взглядом, я снова поднялся наверх. К моему огромному изумлению, свет в палате не горел, телевизор работал, а на моем табурете, забросив ноги в носках на покрывало, сидел дядя. Свои забрызганные грязью башмаки он снял и бросил на пол. Майки устроился у него в ногах. Оба жевали попкорн, что не мешало мальчику не отрываясь смотреть на экран, где медведь Балу распевал «Простые радости». Когда медведь вырвал из земли пальму и принялся чесать себе спину, дядя громко рассмеялся, и мальчик посмотрел сначала на него, потом бросил быстрый взгляд на меня и снова вернулся к телевизору.

Я слегка похлопал дядю по плечу.

– Спасибо.

В ответ он швырнул в меня зернышко попкорна.

– Кратчайший путь к сердцу лежит через желудок.

Пятясь, я вышел из палаты, помахав на прощание мальчику, который, впрочем, даже не заметил моего ухода. Внизу я сел в машину, повернул бейсболку козырьком назад и запустил мотор. Весь обратный путь я размышлял над дядиными словами. Они были абсолютно справедливыми, но мне все равно казалось, что в них что-то неправильно.

Загнав «Викки» в амбар, я снова подумал: неужели так и есть? Неужели самый простой путь ко всему, в том числе к сердцу и душе, лежит через желудок? Или все-таки есть какой-то иной способ?

Впрочем, в тот раз я оставил этот вопрос неразрешенным, предпочтя вернуться к другим проблемам, имевшим отношение к Майки. Если ты не умеешь говорить, то как ты будешь смеяться? И если ты не можешь смеяться, то сумеешь ли ты заплакать?..

Об этом мне и предстояло написать в моей статье.

Глава 8

Элсуорт Макфарленд научил своих сыновей ценить каждый доллар. Если кому-то из них нужны были деньги на карманные расходы, он должен был их заработать. Вся разница заключалась в том, что Уильям заработанные деньги берег, а Джек, который всегда стремился приобрести больше, чем у него было, пристрастился к карточной игре. В результате он все время ходил в долгах и постоянно у кого-нибудь занимал деньги – главным образом у младшего брата. Это вовсе не означало, что Джек был глуп или безрассуден. Совсем наоборот, он был очень умен и быстро соображал. Карточная игра научила его исподволь влиять на партнеров, вынуждая их сделать нужный ему ход, и Джек с удовольствием пользовался этим своим умением и в повседневной жизни.

Летом братья обычно работали кассирами в отцовском банке. Когда сначала Джек, а год спустя и Уильям перешли в последний класс, Элсуорт сделал их младшими кредитными инспекторами, так что, едва окончив школу, братья знали о банковском бизнесе едва ли не больше, чем их преподаватели в Университете Джорджии, куда оба также поступили с годовым интервалом. В университете братья изучали экономику, управление и бизнес и благодарили Господа всеблагого за то, что Он создал бухгалтерский учет. После университета Джек и Уильям обзавелись женами и продолжили работать в банке вместе с отцом.

А потом был торнадо 1979 года.

Брансуик расположен вдалеке от магистральных океанских маршрутов, по которым обычно перемещаются ураганы, но он не защищен от свирепых июльских гроз и торнадо, налетающих из глубины континента. Торнадо срывают крыши, поднимают в небо сараи, ломают, как спички, столетние деревья – и иногда ломают человеческие жизни.

Так случилось в один из летних дней указанного года, когда примерно в три часа пополудни Элсуорт, утомившись от жары и работы, оставил банк на попечении сыновей, а сам отправился домой, чтобы выкурить сигару, прокатиться верхом по Суте на своем любимце Большом Буббе, а потом поужинать со своим адвокатом. Ему сравнялось уже семьдесят пять, но лишь сравнительно недавно Элсуорт начал понимать, что жизнь – это не только труд от зари до зари и что даже в этом возрасте она может быть простой и приятной, наполненной мелкими радостями и удовольствиями. Главное, его состояние было в надежных руках, а все остальное не слишком его заботило.

В половине седьмого вечера кассиры подбили баланс за прошедший день и разошлись, предоставив братьям закрыть главное хранилище и выключить свет. В этом не было ничего необычного – подобное происходило регулярно, и отсутствие самого Элсуорта никого не удивляло.

На двери хранилища были хорошо видны следы трех попыток ограбления. В одном случае преступники воспользовались динамитом, во втором – слесарными инструментами (в том числе кувалдой), в третьем – все теми же инструментами и бульдозером. Все три попытки оказались безуспешными. На работу банка они никак не повлияли, если не считать того, что Элсуорт распорядился снести стену, ранее скрывавшую вход в хранилище от взглядов клиентов. Каждый, кто заходил в банк, говорил он в ответ на недоуменные вопросы, должен своими глазами видеть, что здесь его деньгам ничто не угрожает. Слегка поцарапанная бронированная плита действительно служила наглядным подтверждением абсолютной надежности и безопасности «Сута-банка». Одна из местных газет даже сфотографировала эту дверь и разместила снимок на первой полосе. Заголовок гласил: «Единственное место в городе, где ваши деньги чувствуют себя спокойно».

Еще в начале 1979 года инспекторы регулирующего органа оценили банк в 57 миллионов долларов, что сделало его «местным финансовым учреждением регионального значе-

ния». Примерно в то же время начали появляться первые признаки надвигающегося экономического кризиса. Несмотря на то что тогдашний президент Джимми Картер³⁰ был фермером из Джорджии, его финансовая политика обернулась для страны серьезными трудностями, и это не могло не отразиться на процентных ставках. К весне 1979 года ставка по кредитам достигла пятнадцати процентов. Два года спустя она выросла до двадцати с половиной процентов (это, кстати, стало одной из причин, почему Картер не остался на второй срок). Многие предприниматели и простые граждане стремились найти способ надежного вложения капиталов, и такой способ, конечно, нашелся. Наиболее надежными считались облигации на предъявителя³¹, популярность которых уступала только наличным. Продавались они с фиксированной процентной ставкой, неизменной на протяжении всего периода действия облигации, и успевали окупиться дважды в течение года. Владельцу такой облигации достаточно было лишь отстричь купон, отправить его в компанию-эмитент и получить прибыль, составлявшую от шести до восьми процентов.

Существовала, однако, одна проблема. В отличие от акционерных сертификатов, такие облигации не являлись именными и выдавались на предъявителя, то есть на самой облигации не было проставлено имя владельца. А это, в свою очередь, означало, что такие облигации невозможно было восстановить в случае кражи. И приостановить выплаты по ним или объявить их недействительными тоже было нельзя. С тем же успехом можно было потерять сто-долларовую бумажку или купюру в сто тысяч – когда-то существовали и такие. Именно по этой причине в 1982 году выпуск подобных облигаций был запрещен специальным решением правительства.

Но это так, к слову. В семьдесят девятом облигации на предъявителя все еще были в большом ходу, и люди со всей Джорджии обращались в банк Элсуорта по двум причинам. Первая из них была проста – безопасное хранение, поскольку хранилище «Сута-банка» было неприступным для воров и грабителей. Дважды в год те, кто хранил свои облигации в депозитарии, появлялись в банке, предъявляли клиентскую квитанцию, отрезали несколько купонов и направляли их для оплаты в компанию-эмитент, после чего облигации снова запирались в номерную сейфовую ячейку. Вскоре, однако, процентные ставки по кредитам добрались до двадцати процентов, и появилась другая возможность. Теперь держатели облигаций на предъявителя обращались в банк и оформляли кредит – обычно на сумму, составляющую около девяноста процентов от номинала облигаций, а сам кредит клали на ссудно-сберегательный счет, где ставки были на пункт-два выше, чем на обычные вклады. Таким образом, получалось что-то около шестнадцати процентов. Разница в восемь-девять пунктов и составляла чистый доход вкладчиков. По тем временам это было немало, поэтому к середине 1979 года подобный способ не только сохранить, но и преумножить капитал стал пользоваться бешеной популярностью. По моим оценкам, в ночь торнадо в хранилище «Сута-банка» скопилось на шесть с лишним миллионов облигаций на предъявителя, большинство из которых являлись залогом по выданным кредитам.

Как и положено, все облигации хранились в номерных ящиках у дальней стены хранилища.

Почему так произошло? Да всего лишь потому, что простые люди не доверяли государству (особенно когда речь шла о двузначных процентах), к тому же американские парни по-прежнему торчали в далеком Вьетнаме. Отдать вам наши денюжки, чтобы вы растратили их неведомо на что? Хрена с два!.. Молодежь Джорджии все чаще устраивала демонстрации с

³⁰ Джеймс (Джимми) Картер – 39-й президент США, руководил страной в 1977–1981 годах.

³¹ Облигация на предъявителя – облигация, владелец которой не регистрируется в книгах учета компании-эмитента, поэтому выплаты производятся любому предъявителю сертификата облигации.

флагами Конфедерации, выкрикивая лозунг «Рейгана в президенты!» и другие слова, написать которые я здесь не могу.

У сложившейся системы был, однако, один существенный недостаток. Программа защиты вкладчиков Федеральной корпорации страхования банковских вкладов не распространялась на ценные бумаги, служащие залогом по кредиту. Не страховала ФКСВ и ценности, помещенные в банковские депозитные сейфы, но на это мало кто обращал внимание. Клиентам «Сута-банка», приезжавшим из самых разных мест от Флориды до Алабамы, хватало одного взгляда на дверь хранилища – поцарапанную, но непобежденную, чтобы убедиться: лучше хранить деньги здесь, чем под матрасом. Тем не менее, стремясь привлечь как можно больше новых клиентов и успокоить старых, Элсуорт сам застраховал содержимое депозитария. С его стороны это было только логично и естественно: никаких проблем подобное решение не сулило.

Кроме одной...

В тот вечер братья как раз запирали хранилище и входные двери, когда на восточном горизонте где-то в районе Суты появились темные грозовые тучи и засверкали далекие молнии. Уильям и Джек даже поднялись на третий этаж и некоторое время смотрели в окно, наблюдая, как хлещут землю яркие электрические разряды.

Элсуорт, которому они пытались позвонить, на звонки по телефону не отвечал, и Уильям сказал:

– Надо бы проведать, как там папа.

– Давай ты. Меня ждут... – Джек посмотрел на часы. – Через двадцать минут начинается игра. – И, не прибавив ни слова, он вскочил в свой седан и помчался на север, к побережью и ресторану, в задней комнате которого каждую среду шла большая игра в покер. Правда, тот роковой день был понедельником, но в последние несколько месяцев средой был для Джека едва ли не каждый день недели.

Уильям тоже сел в машину и отправился домой. Ехал он не быстро, потому что уже начался ливень. Наконец обсаженная пекановыми деревьями подъездная дорожка осталась позади, и Уильям припарковал машину во дворе. К этому времени ливень перешел в град – каждая градина размером с мячик для бейсбола, не меньше, – и вся домашняя птица, напуганная непогодой, сидела в амбаре. Там же стоял и Большой Бубба. В доме никого не было, нигде не было видно и небольшого пикапа, на котором обычно разъезжал Элсуорт. Услышав переданное по радио сообщение о торнадо, который приближался к Брансуику, Уильям поехал обратно, чтобы переждать непогоду в банке. Он думал, что и отец, наверное, тоже вернулся в банк, но, подойдя к двери, увидел, что стекло в ней разбито и какой-то мужчина в черной лыжной маске роется в ящиках кассовых аппаратов.

Элсуорт пережил мировую войну, депрессию и несколько попыток ограбления, поэтому он постоянно носил с собой армейский кольт сорок пятого калибра. По такому же пистолету он купил и каждому из своих сыновей, как только им исполнилось шестнадцать. Элсуорт справедливо считал, что вместимость пистолетного магазина больше, чем у револьвера, к тому же ствол такого калибра должен был показаться достаточно убедительным аргументом любому, самому отчаянному грабителю.

Обращаться с оружием братья умели с детства. Стреляли оба отлично, поэтому, когда после университета Джек и Уильям поступили на работу в отцовский банк, они договорились держать оружие под рукой каждый раз, когда окажутся внутри банка или где-то поблизости от него. Уильям носил свой кольт в портфеле. Увидев взломанные кассовые аппараты, он бесшумно достал оружие, приставил ствол к голове злоумышленника и... и Джеймс Браун Гилберт не только поднял руки вверх, но и сознался во всех преступлениях, которые он собирался совершить.

По стечению обстоятельств именно в этот момент город накрыл торнадо. На улице разверзся настоящий ад. За считанные минуты набравший силу ветер добрался и до здания, в котором размещался «Сута-банк». Толкая перед собой грабителя, Уильям едва успел спрятаться в хранилище, когда бешено вращающийся воздушный смерч сорвал металлическую крышу вместе с обрешеткой и стропилами. Дверь Уильям закрыл, и, пока снаружи раздавался грохот рушащегося мира, оба мужчины сидели в полной темноте. Часть крыши – в том числе несколько самых тяжелых бревен – упала прямо перед хранилищем, остальное торнадо разбросал по окрестным улицам и двинулся дальше.

Только на следующее утро спасатели обнаружили надежно запертых в банковском хранилище Уильяма Макфарленда и Джеймса Брауна Гилберта, список правонарушений которого составил без малого три страницы машинописного текста. Разобрав завал из бревен и перекрученных металлических листов, они освободили обоих – правда, ненадолго.

Вскоре после этого в банке появился сияющий Джек, который провел ночь за покерным столом и сумел выиграть немалую сумму. Примчались репортеры – они как раз успели запечатлеть и Джеймса Брауна Гилберта, которого в наручниках сажали в полицейскую машину, и Уильяма, которого одобрительно похлопывал по плечу полицейский сержант. Спустя несколько часов оба снимка появились в газетах под заголовком «СЫН «КОРОЛЯ СУТЫ» СПАСАЕТ БАНК!».

Знаете, как проходит мирская слава? Быстро. Порой очень быстро.

Несмотря на то что торнадо вверх Брансуик в настоящий хаос, отсутствие Эллсуорта было замечено очень скоро. В конце концов, он был слишком заметной фигурой, чтобы затеряться где-то среди гор мусора, в который превратилась большая часть города. На телефонные звонки Эллсуорт не отвечал еще накануне, поэтому Уильям снова поехал домой, надеясь напасть на следы отца. Джек остался, чтобы открыть банк и провести первичную инвентаризацию и учет повреждений, которые получило здание. Несмотря на рухнувшую крышу, внутренние помещения банка сохранились довольно неплохо. Вклады были застрахованы ФКСВ, ценности и облигации по-прежнему хранились в депозитарии хранилища. Фактически пострадали только крыша и кое-какая мебель, поэтому Джек арендовал большой шатер наподобие циркового и, распорядившись установить его на парковке, объявил, что «Сута-банк» продолжает обслуживание клиентов, несмотря на «неблагоприятные», как он выразился, погодные условия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.